

АНДРЕЙ ШОППЕРТ

И ОПЯТЬ ПОЖАРСКИЙ

К Н И Г А # 6

И опять Пожарский

Андрей Шопперт

И опять Пожарский 6

«Автор»

2021

Шопперт А. Г.

И опять Пожарский 6 / А. Г. Шопперт — «Автор», 2021 — (И
опять Пожарский)

Польша — вечный враг.

© Шопперт А. Г., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	20
Глава 3	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Андрей Шопперт

И опять Пожарский

Книга шестая

Глава 1

Событие первое

Как всегда перед выходом в поход навалилась куча дел. Князь Пётр Дмитриевич Пожарский меньшей вполне себе понимал, что война с Речью Посполитой может затянуться и стремился, где только возможно, «соломки подстелить».

Он давал указания Зотову и Крчмару по строительству асфальтовой дороги до Нижнего Новгорода и параллельного ей железнодорожного пути, когда в кабинет постучал стрелец и сообщил, что прибыли непонятные переселенцы. Пришлось одеваться, на улице хоть и заканчивался март, но было ещё холодно, а вчера даже снег пролетал. Пока добрался до медведей, переселенцев уже развернули в карантин. Там он их и догнал. Зрелище и, правда, было ещё то. Приехали индусы. В длиннополых белых, ну, вернее, когда-то белых балахонах и с чалмами на голове. Или у индусов это не чалмой зовётся?

Пётр и забыл уже, что дал задания Ост-Индийской датской компании найти и привезти из Индии строителей и резчиков по камню. И ведь, похоже, датчане справились. А вот интересно, англичане, захватив Индию, вернее, кучу княжеств расположенных на Индостане, видели ведь и Тадж-Махал и прочие великие здания, а к себе строителей из Индии не повезли и ничего подобного у себя не построили. Почему? Хотя у них ведь «бремя белого человека», нужно нести просвещение дикарям, а перенимать, что-либо у дикарей, разве можно. У них можно «перенимать» только драгметаллы и самоцветы. А, потом ещё чай добавился и слоновая кость.

Как там писал сэр Редьярд Киплинг, автор любимого детворой «Маугли»?

Неси это гордое Бремя – Родных сыновей пошли
На службу тебе подвластным народам на край земли
На каторгу ради угрюмых мятущихся дикарей,
Наполовину бесов, наполовину людей.

Приобретённое Данией у раджи Танджура в Индии поселение Транкебар в ста пятидесяти милях от Мадраса сейчас усиленными темпами, в основном на деньги Петра, превращается в крепость Дансбург. Отдачи от этого проекта пока никакой. Хотя, один раз слоновую кость завезли. Слоны с большими бивнями в Африке, индийские практически ручные и бивни у них маленькие, да и никто не уничтожает их там сотнями, только умерших от старости расчлениают и продают белым белую слоновую кость. Они там из неё пуговицы делают. Нет. Ещё безвкусные диадемы. Потом будут миллиардные шары. Варвары, что с них взять? Пётр выделил всю привезённую кость ювелирам и резчикам по дереву, тому же Щеглу. Вместе придумали инструменты, всё же слоновая кость значительно твёрже дерева, и стали резать вполне покупаемые и очень не дешёвые вещицы. Пётр тоже поучаствовал. Он «изобрёл» бор машинку с ножным приводом. И наблюдая за первыми опытами Щегла по её освоению, вдруг сообразил, что нужно срочно ещё и новую отрасль медицины изобретать – стоматологию. Зубы, понятно, и сейчас рвали, но вот сверлить их и лечить никому в голову не приходило. Стоматологию-то

изобрёл, а вот цемент для пломб пока хромает. Пломба получается очень недолговечная. Интересно, а из чего их делают в двадцать первом веке?

Далеко эта самая Индия. Со слов сопровождающего индийских мастеров датчанина они сначала плыли четыре с половиной месяца от Мадраса до Копенгагена. Потом после недельного отдыха попали сразу в два шторма в Северном и Балтийском морях. Потом почти два месяца добирались из Риги до Вершилово. Получилось полгода с лишним. Видно было, что бедные индусы страшно устали. Так ведь ладно бы приехали мужчины. Дудки. Приехали целые семейные кланы. Мастеров всего семь. Два архитектора, три резчика по камню и два, (назовём их прорабами) мастера строителя. А людей из солнечной Индии прибыло почти сто человек. Одних детей несколько десятков. Жёны, братья, родители, братья жён, жёны братьев. Интересно, как датчанам удалось убедить мастеров ехать в такую даль и в такой холод? Оказалось просто, никто их мнения особо не спрашивал. Дали радже деньги, а раджа дал команду. Дисциплина, блин.

Сопровождающий индийских переселенцев Нильс Фредериксзон оказался просто молодцом. Он во время этого долгого путешествия вдолбил индусам худо-бедно приличное знание датского. Лучше бы русского, но за неимением гербовой пишем на туалетной. Пришлось и этого товарища оставить в Вершилово. Хоть он и запросил в год сто рублей. Полковник Петру дешевле обходится. Ладно, не разоримся. Через де Фредериксзона удалось пообщаться с мастерами, пока их в баню не загнали. Никто ничего про Тадж-Махал не слышал. Может, его и не построили ещё. Да и Индия не маленькая и очень раздробленная страна. Пётр предложил им построить для себя буддийский храм и нарисовать проект небольшого дворца. Камнерезам показали кусок известняка из местных карьеров. Ну, нет песчаника в Нижнем.

Всё. Пусть проходят карантин. В Индии, поди, полно экзотических болячек. Нужно докторам наказать внимательно их проверить, в том числе и на глисты. Мастера – это хорошо. А вот глисты – это плохо. С ними в Вершилово боролись уже шесть лет. Вроде, более-менее победили. Сначала начинать не хочется.

Выполнили датчане и сопутствующее поручение Петра Дмитриевича. Они привезли несколько обезьян в клетках, скорее всего это мартышки. Не сильно в обезьянах генерал Афанасьев разбирался. Ну, разве что шимпанзе от гориллы отличит. Кроме обезьян пригнали и пару буйволов. От Риги их пришлось везти на санях и даже укутывать в тряпки. Не Индия у нас. У нас Россия. Морозы в феврале те ещё. Тем не менее, буйволов довели. И даже, кажется, не простудили. Будет очередная головная боль у Охлобыстина с Костей Фоминым. Им ведь буквально пару недель назад младший Буксбаум из Португалии быков привёз шесть штук, точнее три быка и три коровы. Говорит, что самых больших выбирал. А что, быки до полутора метров в холке, не маленькие животинки. Теперь можно попробовать пойти по пути товарища Гитлера и скрестить их с турами. Сами туры тоже ещё по одному телёнку принесли и того их уже восемь стало. Плюс двух коровок быки огуляли. Тоже скоро телята появятся. Должны спасти этих гигантов от вымирания.

Ладно, вернёмся к железной дороге.

Событие второе

Жан Луи де Ногаре де Ла Валетт герцог Д'Эпернон прибыл в Париж поздно вечером.

Был конец марта, там, на юге в Бордо, уже цвели каштаны и абрикосы, а в Париже шёл нудный дождь, и было холодно. Герцог не был в столице уже три года. Проклятый кардинал вынудил его под угрозой отлучения от церкви удалиться от дел. Пришлось уехать в своё имение Кадийяк близ Бордо. Ссылку обставили смешно. Уехал герцог в качестве губернатора Гиени.

Три года зимой и летом он трудился над украшением этой сельской резиденции. Раз уж суждено провести там остаток жизни, то нужно превратить Кадийяк в роскошный цветущий сад.

И всё из-за этого жирного недоноска – архиепископа Бордо. Жаль ему не дали насадить этого каплуна на шпагу. Правда и сам Жан Луи виноват, затеял схватку посреди улицы. Это была уже вторая ссылка за последнее время. Завистники заставили Людовика XIII изгнать д'Эпернона в Мец в 1618 году. Вслед за тем Ла Валетт освободил Марию Медичи из Блуа, куда она была сослана после казни Кончини, и устроил её примирение с сыном. После этого он ещё пару лет блистал при дворе.

Сейчас в Париж его привело несчастье. Тяжело заболела мать его жены. Герцог в 1622 году взял в жёны дочь маркизы де Вернейль от связи с покойным королём. Жан Луи де Ногаре де Ла Валетт герцог Д'Эпернон был уже не молод, пару недель назад он отметил свой семьдесят первый день рождения, и тащиться через всю страну весной по распутице не хотелось, но это был веский повод появиться в Париже и герцог пустился в путь.

Утром его разбудил несмолкаемый колокольный звон. Что-то случилось? Герцог отправил слугу на улицу, чтобы тот разузнал, что происходит. Вернулся малый буквально через пару минут, герцога даже ещё одеть не успели.

– Ваша Светлость, убили кардинала Ришельё! Англичане ночью ограбили Нотр-Дам-де-Пари. Кардинал с гвардейцами утром поехал туда, а из толпы кто-то выстрелил несколько раз, убили и кардинала и с ним отца Жозефа дю Трамбле, которого прозвали «серым кардиналом», – выпалил старый Анри, непрерывно крестясь, – Что теперь будет?

А что теперь будет? Герцог в молодости был одним из двух самых близких миньонов короля Генриха III («архиминьон» или «полукороль»). На протяжении нескольких лет после гибели Генриха IV – один из самых могущественных людей Франции, союзник Марии Медичи, командующий королевской пехотой. После смерти Генриха III д'Эпернон долго отказывался признать Генриха IV и подчинился ему только в 1595 году. В начале века возглавлял происпанскую партию католиков, добился упрочения позиций во Франции общества Иисуса и продолжал из-за кулис интриговать против Генриха IV. После гибели последнего некая мадемуазель д'Эскоман, находившаяся в услужении у королевской фаворитки маркизы де Вернейль, публично заявила, что убийца короля, Равальяк, действовал по указанию маркизы и д'Эпернона. Парижский парламент приговорил обвинительницу к пожизненному заключению за клевету. Сколько денег и влияния пришлось использовать, чтобы добиться этого приговора. Вечно женщины не умеют держать язык за зубами.

Теперь его главный враг убит. Король, наверное, в панике. Как вовремя он оказался в Париже. Пора появиться при дворе. Англичане? Скорее всего, герцог Бекингом. Став первым министром кардинал отверг союз с Англией и её премьер-министром герцогом Бекингом, которого Ришельё считал шарлатаном и авантюристом. Шарлатан не шарлатан, а с Арманом Жаном дю Плесси, герцогом де Ришельё покончил. Нужно срочно писать письмо Марии Медичи и отправляться во дворец. Удача не приходит одна. Может его время снова пришло.

Событие третье

Король умер! Да здравствует король!

Есть ли хоть один царь, король, император, султан и прочая и прочая про которого (которую) после смерти не наговорят гадостей? Бывают ли хорошие монархи? Если венценосец был добрый человек, отменил смертные казни, прощал врагов, снизил налоги, то его обзовут бесхребетным и трусом и решат, что именно из-за этого после его смерти на страну обрушились несчастья. Распустил людишек. Если монарх твёрдой рукой навёл порядок в стране, прирастил территорию, поставил на место зарвавшихся феодалов, то, без всякого сомнения, назовут тираном.

Королева Виктория была, наверное, единственным исключением. Но умерла не она. И на трон села не она. 27 марта 1625 года скончался английский король Яков I, которому наследовал его сын Карл I. Новый король Англии, Шотландии и Ирландии был из той же династии Стюартов. Молодой человек ещё не знал о том, как печально закончится его правление. А если бы знал? Что-то поменял? С точки зрения монарха любой страны он вёл своё государство в нужную сторону. Укреплял единовластие, боролся с сепаратизмом провинций, стремился к тому, чтобы на всей территории, которая ему досталась, возобладали одна религия. Пытался упорядочить налоговую систему. Строил флот. Всё делал правильно. Дипломатичности не хватило. И что в результате? Гражданская война и казнь. Ну, до этого ещё далеко.

Карл I был не первым, а вторым сыном короля Шотландии Якова VI и Анны Датской. Он родился 19 ноября 1600 года в Данфермлайнском дворце в Файфе, Шотландия. В детские годы Карл не отличался особенными способностями, он поздно научился ходить и говорить. После того, как его отец в 1603 году стал королём Англии под именем Якова I и переехал в Лондон, принц Карл ещё некоторое время оставался в Шотландии, будучи крайне болезненным ребёнком, трудно переносящим переезды. Даже значительно позже, достигнув зрелости, Карл I продолжал испытывать проблемы со здоровьем, и был не великаном – всего 162 см.

Наследником престола Англии и Шотландии был старший брат будущего короля Карла Генри, принц Уэльский, на которого возлагались большие надежды в английском обществе. Карл в 1603 году получил шотландский титул герцога Олбани, а в 1605 году стал в Англии герцогом Йоркским. Однако в 1612 году принц Генри неожиданно скончался, и Карл стал наследником короля Якова I, принцем Уэльским и графом Честерским (с 1616 года).

Пять лет назад в 1620 году отец начал переговоры о браке принца Карла с испанской инфантой. При этом английский парламент прямо встал на дыбы, по их мнению, Англии нужен союз с протестантским государством. И тут неожиданно в дело вмешался фаворит короля Джордж Вильерс, 1-й герцог Бекингем. В последнее время герцог сошёлся с юным принцем и стал его лучшим другом. Бекингем и предложил отправиться в Испанию и взять заключение брака в свои руки. Сказано – сделано. Только получилось не очень. В 1623 году два авантюриста вместе совершили путешествие в Мадрид и лично вмешались в переговоры о браке. Однако личная неприязнь между герцогом и испанским королевским двором, а также требование испанцев о переходе Карла в католичество расстроили переговоры, и свадьба не состоялась. Более того, Бекингем и принц по возвращении в Англию выступили за разрыв отношений с Испанией и объявление войны. Вот здесь парламент долго уговаривать не пришлось, и уже в 1624 году английский экспедиционный корпус высадился в Нидерландах для ведения военных действий против испанской армии. Одновременно начались переговоры о браке Карла и Генриетты-Марии, дочери Генриха IV, короля Франции.

С французской принцессой Карл познакомился за два года до свадьбы. Их первая встреча состоялась в 1623 году в Париже, где Карл, на тот момент принц Уэльский, был проездом: вместе с герцогом Бекингом он направлялся в Испанию, где собирался обсудить возможный брак с инфантой Марией Анной. Авантюра закончилась неудачей, но Карл запомнил четырнадцатилетнюю девушку с кудряшками и пухленькими щёчками.

О возможности жениться на французской принцессе вместо испанской намекнул Бекингем на обратной дороге. Вообще, герцог сильно влиял на молодого Карла. Принц знал о гомосексуальной связи выживающего из ума отца с Джорджем Вильерсом, он даже присутствовал на заседании тайного совета, где зачитали письмо отца герцогу. «Молю Бога о нашем брачном союзе на Рождество. Да осенит тебя благословение Божье, жена моя, да пребудешь ты утешением великим своего старого отца и мужа». Это было слишком. Через пару месяцев король скончался. Можно сказать, неожиданно. После смерти короля Якова I прошёл слух, что Бекингем его отравил. Только Карл знал, что это не слух. И не рука Бекингема отравила короля, это

сделала «рука судьбы», «рука божья». Ничего что на ней был тот самый перстень, что король подарил своему фавориту. Всем стало лучше.

Сейчас в личных покоях Карла находилось три человека. Понятно, был Бекингем. Третьего герцог привёл сам. Когда он представил Карлу этого человека, то невзначай бросил взгляд на свою правую руку. Ого! На руке Джорджа сиял великолепный перстень с чудесно огранённым изумрудом. Не за дёшево привёл лорд-стюард Вестминстера и лорд-адмирал Англии этого просителя. Член совета директоров Ост-Индской компании, член специальной государственной комиссии по торговле, которая представляла собой совет экспертов из Сити при старом короле. Богатый торговец. Уже не молод, за пятьдесят. Будет просить должность при дворе для сына или дочери, решил Карл, внимательно разглядывая Томаса Мана. Ошибся.

– Ваше Величество, я хочу рассказать о своём путешествии в Российскую империю и если, Ваше величество позволит, дать вам несколько советов, раз уж я состою в совете по торговле, – поклонился толстячок.

– Ого, вам не нужно должности при дворе для сына? – приятно удивился Карл и откинулся на спинку стула, – Российская империя? Это где?

Толстячок опять поклонился и начал молотить чухшь.

– Так теперь называется страна, которую мы знаем как Московия.

– А она где? Хотя, это где-то за Швецией. Там всегда холодно. И кто же теперь называет эту занесённую снегом Московию империей? – Карл веселился. На самом деле развлечение.

– Ватикан, Франция, Швеция, Дания, Польша, – начал перечислять советник и Карл перестал улыбаться.

– И насколько велика и сильна эта «империя»? – настроение испортилось.

– Сколько времени заняло ваше путешествие, Ваше Величество, в Мадрид. Несколько месяцев, – сам ответил торговец и позволил себе улыбнуться, – Дорога от Польши до середины этой империи на восток займёт больше года. Насколько она сильна? Вы ведь слышали название «Пурецкая волость», Ваше Величество? Она находится в двух месяцах быстрой езды до границы со Швецией. Бывшей границы. Недавно Российская империя забрала себе после непродолжительной войны две трети территории Шведского королевства, а за год до этого треть территории Польши. Сейчас они готовятся к войне с Польшей снова. Думаю, ещё треть откусят. Это самая сильная страна в Европе.

– Стоп, стоп! – Карл даже замахал руками на этого торговца, – Если это так, то почему об этой империи никто ничего не знает?

– Не знал, Ваше Величество. Словосочетание «Пурецкая волость» знают все. На вашем секретере лежит их бумага, стоит их чернильница и в стаканчике две их перьевые ручки.

– Действительно. Что же за совет ты решил дать нам «советник»? – всё это снова начинало нравиться Карлу. Таинственная империя, чудесная «Пурецкая волость» со своими диковинами.

– Сейчас Франция, Дания и Швеция строят в их столице Москве здания, которые будут называться «Посольства». В них будет постоянно находиться послы этих держав. Это позволит быстрее сноситься между дворами и естественно в два раза быстрее получать новости. Кроме того послы могут отстаивать государственные и торговые интересы своих стран и граждан. Мой совет прост, нужно и вам, Ваше Величество отправить делегацию в Москву и начать строить там «Посольство». Второй совет касается всё того же. Нужно, чтобы наше «Посольство» было не хуже чем французское или посольство Святого престола, которое тоже уже, наверное, строится. Я был в дороге почти три месяца. А об открытии посольства Ватикана поговаривали.

Карл наморщил лоб. Вместе с престолом, он столкнулся с фактом участия Англии в тридцатилетней войне на стороне Кристиана IV и Фридриха V, женатого на сестре Карла Елизавете, боровшихся в Европе с монархией Габсбургов. Из-за поддержки этих правителей Яковом государственные финансы столкнулись с серьёзными проблемами, а с Карлом связывали большую

ответственность в этом вопросе. После созыва нового парламента для них стало очевидно, что он продолжит отцовскую политику, ибо потребовал для продолжения военных действий выделить около £ 700 000. Палата Общин отказалась от этого, взамен приняв два закона о выделении на эти цели £ 112 000. Помимо этого, размер грузовых и весовых сборов (Tonnage and Roundag) были установлены только на один год, хотя ранее срок их действия ограничивался всей жизнью монарха. По этой причине Палата Лордов отказалась принять и эти законы, оставив Карла без каких либо средства на финансирование войны.

А теперь ещё траты на непонятное «посольство». Всё это он и озвучил «советнику».

– Хозяин «Пурецкой волости» герцог Пожарский просит разрешения на паях с Ост-Индской компанией открыть в Лондоне и Манчестере филиалы банка «Взаимопомощь», который работает во Франции, Испании, Богемии и скоро откроется в Копенгагене. Этот банк сможет ссудить Ваше Величество деньгами, если не на войну, хотя почему бы и нет, то на строительство посольства точно, – этот Томас и правда советник, Карл усмехнулся, – Наверное, есть и то, что нужно этому герцогу?

– У него несколько необычная просьба, – сморщился торговец, – Он просит вашего разрешения, Ваше Величество, без ограничения вывозить из королевства католиков, конечно, тех, кто сам захочет перебраться в «Пурецкую волость» и другие города основанные герцогом Пожарским.

– Он ещё и города основывает. Забавно. И зачем ему католики? А какая религия в этой «империи»?

– Они ортодоксы, у них «православие», русские считают себя наследниками Византии, – это встрял, наконец, в разговор и Бекингем. Понятно, что сам он этого знать не мог, поговорил предварительно с «советником».

– Нам надо подумать, Томас. Герцог Бекингем сообщит тебе о решении, которое мы примем.

Толстячок откланялся. Действительно надо подумать. И стоит с кем-то посоветоваться. Деньги – это хорошо. Католики – это плохо. Появятся деньги и исчезнут католики? Похоже на сказку. Ещё ведь и посол нужен. Где-то у себя в имении в провинции сидит Френсис Бекон – бывший лорд-канцлер Англии, обвинённый во взяточничестве и изгнанный из власти. Нужно позвать его посоветоваться и если что, то и отправить его послом в эту «империю». Пусть строит посольство и шлёт новости из «самого сильного» в Европе государства.

– Джордж, что ты знаешь о Френсисе Беконе?

Событие четвёртое

Фридрих-Генрих Оранский женился.

Фридрих Генрих был такой же закоренелый холостяк, как и его брат Морис. Любовницы у него были. Его внебрачный сын от Маргариты Катарины Бруйнс (1595–1625), Фредерик Нассау де Цуленштайн родился в 1624 году. Этот сын позже будет воспитателем молодого Вильгельма III Английского в течение семи лет. После того, как Морис перед смертью пригрозил узаконить своих внебрачных детей, если Фридрих Генрих не женится, тот сделал предложение Амалии Сольмс-Браунфельсской, дочери графа Иоганна Альбрехта I Сольмс-Браунфельсского умершего чуть больше года назад и его первой супруги Агнессы Сайн-Витгенштейн, и женился на ней в 1625 году. Они были родственниками: её бабка по отцовской линии была сестрой Вильгельма Оранского. Вильгельм фон Нассау-Дилленбург (1487–1559) был её прадед и дед мужа.

Жена нового штатгальтера Соединенных провинций Амалия провела своё детство в родительском замке Браунфельс. Она происходила из семьи древнего, но обедневшего дворянства. Она бывала в Гейдельберге при дворе курфюрста ван де Пфальца. Её отец был главным

управляющим сначала Фредерика IV ван де Пфальца, а затем его сына, Фредерика V. Выросшая в семье, где было больше детей, чем доходов, она стала фрейлиной английской принцессы Элизабет Стюарт.

Она вошла в состав свиты Элизабет, когда её муж Фредерик V, курфюрст ван де Пфальц в 1619 году согласился стать королём Чехии.

Только одну зиму в Праге она наслаждалась щедрыми банкетами, охотой и катанием на санях. В 1620 году была битва на Белой горе, которая положила конец беззаботной жизни. Из-за такого короткого правления Фредерик V и получил прозвище «Зимний король». Армия короля Чехии потерпела поражение от имперских войск. Почти вся знать и придворные бежали. Жизнь королевская четы была в опасности. Никто не смел дать им приют. Почти без багажа Амалия проделала с беременной королевой изнурительное путешествие по снегу на запад и помогла ей во время родов. После долгого путешествия обездоленные беженцы прибыли в Гаагу в 1621 году. Принц Мориц Оранский дал им безопасное убежище в доме на Кнеутердаик.

Отец Амалии скончался в Гааге 15 мая 1623 г. Он был в довольно бедном и обездоленном состоянии, но, тем не менее, был похоронен с большим почётом.

В Гааге Амалия часто появлялась при дворе. Там её и увидел впервые Фридрих Генрих, младший брат Морица, который был известен в Гааге как "Pretty Heintje" (сердцеед). Но Амалия не согласилась быть его любовницей. Ей удалось, к удивлению придворных, удержать красавца Фридриха Генриха за пределами своей спальни. После того, как умирающий Мориц заставил Фридриха Генриха всерьёз задуматься о женитьбе, он вспомнил об Амалии и сделал ей предложение.

Медовый месяц Амалии был недолгим: её муж уже через две недели после свадьбы отбыл на войну.

Однако за день до отбытия с вновь сформированным полком рейтар на помощь осаждаемой испанцами Бреде штатгальтер имел совершенно невразумительный разговор с представителем директора Вест-Индской компании Майерсом ван Грёббе.

– Ваше Высочество, у меня очень печальные новости из нашей колонии в Вест-Индии, – малый был рыж, тщедушен и всё время отводил взгляд, боялся что ли.

– Печальней чем возможная сдача Бреды? – штатгальтер был уже там, на войне, и непонятная аудиенция только раздражала.

– Неизвестные пираты, как-то связанные с Данией, захватили нашу колонию, которую мы назвали Новый Амстердам на острове Манхеттен, – рыжий слегка поклонился.

– Ну, так отбейте её! – Фредерик Генрих не понимал, чего от него хотят.

– Корабль, что отвозил туда очередную партию переселенцев перешёл на сторону пиратов, а когда на корабле «Л'Ирондель» (Ласточка) арендованном у французов прибыла следующая партия переселенцев, то артиллерийские выстрелы из построенного на берегу форта вынудили флейт отправиться назад. Это всё, что нам известно, – совсем сник ван Грёббе.

– Метр Майерс, испанцы вот-вот захватят ключевой город Брабанта, а вы мне рассказываете что-то, непонятно о чём. Я больше вас не задерживаю. Наймите два французских корабля. Три! У вас ведь есть деньги? У меня нет. Мне не до островов чёрте где. Пятьдесят лет идёт война с Габсбургами. Сколько вы заплатили за тот остров? Шестьдесят гульденов? Пропади он прахом. Уходите и впредь постарайтесь мне на глаза не попадаться.

Брат явно распустил этих торговцев. Но сейчас не до них. Нужно спасти Бреду.

Событие пятое

Губернатором Бреды был Юстин Нассауский, незаконнорождённый сын Вильгельма Оранского.

В последнее время гарнизон Бреды состоял из 17 стрелковых рот численностью по 65 человек и 5 эскадронов кавалерии по 70 всадников в каждом. Когда прошёл слух, что город будет в осаде, каждый эскадрон был усилен ещё 30 всадниками. Пехота была пополнена 28-ю ротами общей численностью 135 человек. Поняв, что всадников для не очень большой крепости многовато, и чтобы сохранить продовольствие, незадолго до осады 3 эскадрона были отправлены в Гертруденберг. Общая численность гарнизона, включая 100 человек охранявших замок, на начало осады 24 августа 1624 года составляла примерно 5200 солдат.

Понятно, что кроме солдат в крепости было и мирное население – горожане и крестьяне из близлежащих деревень, искавшие в городе защиты от испанских войск. Женщины готовили пищу оборонявшимся и ухаживали за больными и ранеными. Мужское население Бреды в возрасте между 20-ю и 70-ю годами, численностью около 1800 человек, было вооружено и поддерживало солдат. Общая численность населения города составляла 13 111 человек, размещавшихся в 1200 домах.

Бреда считалась одним из сильнейших бастионов голландской республики в борьбе с Испанией в северном Брабанте. Находясь на пересечении нескольких важных дорог и судоходной реке, крепость занимала важное стратегическое положение в линии обороны голландцев. До 1531 года Бреда была обнесена обычной средневековой городской стеной. Но после того как барон Бреды Хендрик III по поручению Карла V посетил многие европейские страны, а в Италии ознакомился с современными фортификационными сооружениями, то по возвращении домой, укрепил Бреду по последнему слову науки и техники того времени. Позднее, в 1587 и 1622 годах, оборонительные сооружения крепости были расширены и усовершенствованы.

Крепость была обнесена рвом, фоссейбреей с прикрытым путём и земляной куртеной с пятнадцатью пятиугольными бастионами. Между бастионами находились рavelины и полукапониры. Ров шириной от 105 до 225 метров и глубиной полтора метра был заполнен водой из Марка. Эта же река протекала через город. В Бреду можно было въехать через четверо кирпичных городских ворот. Перед городскими воротами располагались кронверки. В них обычно собирались войска перед выходом из крепости.

Испанцы преследовали несколько целей при осаде Бреды. Находясь у самой границы испанского Брабанта, Бреда являлась удобным плацдармом в случае возможного вторжения голландцев в Брабант. Взятие города значительно осложняло бы такую возможность. А после захвата Бреды близлежащие голландские города, тот же Берген-оп-Зом, могли бы стать лёгкой добычей испанской армии.

Но главной целью было восстановление пошатнувшегося во время войны престижа и поднятие духа испанских войск. С 1590 года Бреда находилась в руках голландцев, когда при осаде Бреды республиканские войска во главе с Морицем Оранским воспользовались тем, что испанцы не проверяли суда с торфом, приходящие в город, снарядили отряд из 70 человек, который пробрался в город на одном из них и захватил его практически без боя. Этот позор можно было бы искупить, вернув под свой контроль считавшуюся неприступной крепость. Сам Спинола хотел восстановить свою честь после неудачной осады Берген-оп-Зома в 1622 году.

Испания также хотела добиться благоприятной позиции при ведении переговоров о возможном мире. С завоеванием Бреды им было бы легче диктовать свои условия на переговорах,

такие как требования религиозной свободы для католиков на территории голландской республики или использование Шельды для судоходства.

Находящиеся в осаде не имели точных данных о противнике, по слухам и непроверенной информации от парочки перебежчиков, количество войск у Спинолы составляло около 80 тысяч. Из них около 25 тысяч держали крепость в кольце блокады, 25 тыс. охраняли коридор для поставки продовольствия и боеприпасов и 30 тысяч составляли резерв.

Что точно знал Юстин Нассауский, так это то, что армия Спинолы была собрана со всей Европы, там были итальянцы, англичане, французы сами испанцы, большинство же составляли голландцы и немцы. Преобладающим родом войск была пехота, затем кавалерия и небольшое количество ирландских канониров. Пехотинцы были вооружены шпагами и пятиметровыми пиками, рапирами, мушкетами или аркебузами. Кавалеристы были вооружены копьем, двумя пистолетами или двумя пистолетами и аркебузой.

В городе кончалось продовольствие, но губернатор поддерживал строгую дисциплину. Ну, и кроме того, один из лазутчиков принёс слух, что новый штатгальтер Фридрих-Генрих Оранский собрал войско и движется на помощь осаждённым.

Событие шестое

Встряли по дороге к Смоленску. Пётр со своим полком всё время зимой передвигался, и так сказать, один, без попутчиков. В этот раз всё было по-другому. Неповоротливая русская военная машина к появлению в Подмоскowie вершиловского полка набрала ход. Все дороги были запружены войсками. Вот так передвижение войск в начале семнадцатого века генерал Афанасьев себе и представлял. Полнейшая неразбериха, отсутствие единого командования, и замечательный ответ на вопрос: «А вы куда?».

- Вестимо, князь батюшка, Киев воевать.
- Так Киев наш?
- Иди ты?

По долгому раздумью и после совета с примкнувшими к полку князьями решили идти не через Смоленск дальше, а взять южнее на Калугу, потом Козельск и знакомый уже по прошлой компании Трубчевск, ну и дальше уже по Десне до Киева. Только оказалось, что умных полно. Эта дорога была и хуже Смоленской и загружена не меньше. Повернули опять на Смоленск. Истряли. Почти неделю тащились по новой дороге до Смоленска. Пётр даже попробовал ночью передвигаться, но хитрым оказался не единственным и только людей намучил.

В сам Смоленск не поехали. Там, скорее всего, давка и сумасшедшие цены на продовольствие. Повернули на Шутово. Там свои. Полк, понятно, не прокормят, так сильно и не надо, пятьсот телег везли продовольствие и боеприпасы. «Всё своё ношу с собой». Но и с Силантием Коровиным нужно пообщаться и вотчину проверить и людям дать пару дней отдыха. Кроме того надеялся Пётр на то, что за год последний успели корабли в Шутово несколько приличных лодей смастерить и можно будет часть войска отправить в Киев прямо по Днепру. Так ведь и здесь оказался не единственным умным.

Пётр в этот поход взял с собой первых трёх учеников Заброжского. Княжичам исполнилось по шестнадцать лет, и пора было их в деле проверить. Доверил им Пожарский только роты пока, князь ведь не значит – прирождённый командир. Командовать, надо учиться. Со взводов начинать нельзя – урон чести. Вот один из ротных – Алексей Иванович Буйносков-Ростовский и предотвратил стычку с «товарищем», что решил лоды построенные в Шутово реквизируют для перевозки своих боевых холопов. Товарищем оказался отец Алексея князь Иван Петрович Буйносков-Ростовский. До этого с князем Пётр Дмитриевич не виделся и тот, скорее всего, не понял, что это за молокосос требует лоды уже почти готовые к отплытию разгрузить и отправиться далее, как и все, по суше. Это у кравчего-то?

Росту Иван Петрович был не малого, почти с Петра, и за здоровый дедовский меч даже успел схватиться. Конечно, спецназ, переименованный в разведку, воспользоваться князю этой железякой бы не дал, но вышло даже лучше. Сын встал между отцом и Пожарским и «представил» их друг другу. Потом пришлось, правда, мировую пить, но лодьи отстояли. Иностранцы специалисты за осень, зиму и большую часть весны успели соорудить целых девять совсем не маленьких корабликов, у Петра даже опасение возникло, поплывут ли они по не очень широкому и глубокому у Смоленска Днепру эти корабли.

Корабли-то поплыли, толку от них почти никакого не оказалось. Это если бы они пешее войско перевозили, и эти воины ещё сами гребли бы, то влезло бы человек по сорок, по пятьдесят. А так одни разочарования. Нужно перевозить коней. А весь полк одвуконь. В результате, на девять кораблей своих и три купленные, гораздо менее вместительные, лоханки влез спецназ, Пётр с Заброжским и князем Шуйским, и пришлось брать сынка нового друга Алексея Ивановича Буйносова-Ростовского с пятью боевыми холопа батяньки. Плюс к спецназу влез ещё расчёт пулемётный с митральезой и одна лёгкая пушечка разобранная с запасом снарядов и расчётом. Мало ли что там в Киеве ждёт. Ещё воевать кто надумает.

Весь остальной полк пошёл через Пропойск, Гомель, Любеч, Чернигов на Киев прежним порядком. Петру же нужно было как можно быстрее встретиться с гетманами, коих развелось не мало, и составить план сражения с высланным на усмирение холопов войском, да и на всю очередную войнушку. Как-то давным-давно ещё в Академии Генерального Штаба один из преподавателей задал ученикам вопрос, чем отличается полковник от генерала. Оказалось, что полковник может выиграть битву, а генерал – войну. Вот раз он генерал, то должен не только польного гетмана коронного Станислава Конецпольского с тридцатитысячным войском одним полком уничтожить, но ещё и принудить Сигизмунда к нужному Москве миру на своих условиях. Ляхи народ шепутной и упёртый, их так просто на испуг не взять, нужна демонстрация силы. Хорошо бы Кантемир с Кёсем вмешались.

Событие седьмое

Силантий Коровин впервые позволил себе выпить больше рюмки водки. Бутылка другая водки разных сортов и ещё парочка бутылок вершиловского виски у него всегда в погребе под домом стояли. Мало ли кто из сильных мира сего пожалует, нужно быть к таким гостям готовому. Только на этот раз гости не приехали, а уехали. Гостей был целый полк, да ещё пятьсот возчиков, считай, больше двух тысяч гостей было. Шутово и десятой части вместить не смогло. Благо лето и земляки пару дней, что полк отдыхал с дороги, провели в палатках, им не привыкать.

Теперь, наконец, отправились дальше. Князь Пётр Дмитриевич со своим спецназом по реке на двенадцати корабликах, а остальной полк двинулся вдоль Днепра на юг своим ходом. Однако несколько человек осталось. Их князь Пожарский специально привёз с собой, чтобы оставить в Шутово. Да, теперь и не Шутово. И не село вовсе. Город! Ну, и что, что городской стены нет. Не главное это. Почитай две сотни семей и с большим гаком живёт теперь в Днепропетровске. Так Пётр Дмитриевич город новый назвал. А он – Силантий, теперь не крестьянин какой, а целый мэр нового города. Да ещё и дворянин к тому же. Грамотку от Государя князь Пожарский и привёз.

– Только крестьян у тебя, Силантий Игнатьевич, извини, не будет. Если посчитаешь нужным, в Юрьев День примешь. Только подумай сперва, нужно ли это тебе, – сказал, передавая грамоту на дворянство Коровину, Пётр Дмитриевич.

Понятно, что не нужно. Ну, разве девку одну, чтобы Агафье помогала пока ребёнок малой. Сам-то целыми днями Силантий по Шутово носится, что ж, теперь будет по Днепро-

петровску носиться. Ведь ещё год назад в Шутово всего восемь десятков семей было, но всё едут и едут и мориски и гугеноты из Франции и ещё одну партию немцев из-под Ревеля привезли. Да и свои – русские прибывают. Вот уже после Юрьева Дня, почти зимой, пришло опять целое село из-под Гомеля. По той же самой причине, что и в прошлый раз, пан ихний привёз из Варшавы иезуита, выгнал русского батюшку на улицу вместе со всем семейством, и велел крестьянам переходить в униатство. Те и перешли. Только не в униатство, а в Шутово, благо весть о вернувшемся из Шутово пане со сломанной рукой, которой он угрожал холопов запороть по всей Гомельской землице прошла. Силантий сперва испугался, теперь князя со спецназом точно не будет, а вдруг и этот пан нагрянет, но людей, все тринадцать семей и отца Фрола с чадами и домочадцами принял. Пока пан не появлялся, наверное, за естество своё побаивается. Видно знает теперь гомельщина любимую поговорку князя Пожарского: «Сперва ты работаешь на репутацию, а потом она на тебя». Проверить верность поговорки можно легко, новые причиндалы вырастить тяжело.

А привёз князь Пётр Дмитриевич как раз трёх человек, что поспособствуют росту этой самой «репутации». В последнем походе на шведов больше тридцати стрельцов было ранено, причём, эти трое тяжело. Доктора их выходили, но здоровье полностью не вернулось, один хромает, у одного рука левая плохо работает, а третий двух пальцев на правой руке лишился. Попросились они на покой, и князь Пожарский их просьбу уважил, только покой будет у них не в Вершилово, а в Днепропетровске. Переехали бывшие стрельцы сюда со всеми чадами и домочадцами, содержание им Пётр Дмитриевич даже увеличил до двадцати рубликов в год. И будут они теперь вместе с Фролом Беспалых и Тимофеем Смагиным, теми стрельцами бывшими, что живут уже в Шутово, обучать детей и юношей стрелять из мушкетов, и сабельной рубке, и казачьим ухваткам. И ведь не простых стрельцов привёз Пётр Дмитриевич, а самых заслуженных, у Трифона Хвостова, аж шесть медалей, и за Урал, и за два похода на Швецию, и за победу над Речью Посполитою, и «Вершиловский стрелок», и, как и у всех раненых – «За боевые заслуги». У Петра Погожева четыре медали, а у Епифана Александрова три. Пусть они и чуть увечные, но много ляхов-то, поди, нужно, чтобы с этой пятёркой совладать. Да ещё они молодёжь подучат. Может и не нужны стены Днепропетровску?

Кроме троих стрельцов с семействами привёз князь и десяток мастеров, они должны построить завод стекольный и начать на нём листовое стекло выпускать и бутылки с вазами выдувать. Только сначала всю территорию нового завода нужно трёхметровым забором огородить и сторожей на вышках поставить. Да потом ещё псов завести. Дело стекольное секретное, ежу ясно, что «любопытные» появятся.

Ну и трёх выпускников седьмого класса Пётр Дмитриевич привёз, они должны теперь три года отработать учителями в школе Днепропетровска, а дальше уж сами пушай стезю себе выбирают.

Одним из учителей оказался «не много – не мало» братуха младший Силантия, окончил Фёдор Коровин семь классов и сам к брату попросился, раз уж всё равно Вершилово покидать. Князь и уважил просьбу. Здоровущий брательник вымахал, уж на полголовы выше Силантия, и не узнать. А шустёр! Уже в первый день с какой-то девкой французской замечен был. Ладно, дело молодое.

А выпил Силантий Игнатъевич Коровин целых двести грамм. За новый город, за дворянство, за приезд братца, за царя батюшку, за Петра Дмитриевича, за непременною победу над ляхами. Завтра, уж точно, голова трещать будет. Так не каждый день столько всего нового и хорошего на тебя сваливается. Потерпим.

Событие восьмое

Отряд Епифана Солового плутал по тайге. Не потому плутал, что заблудился, али с пути сбился. Нет. Плутал, потому что был послан «туда – не знаю куда, найти то – не знаю что». Хотя, что найти было более-менее известно. Нужно было найти гору. И гора эта, точно известно, стоит недалече от реки Яик. Легко! У дурачков всё легко. А как найти этот Яик?

Началось всё ещё две седмицы назад. Хотя и ранее тоже началось. Епифан, как реки в мае вскрылись, и ледоход прошёл, на новых лодьях сгонял со своими казаками в Тюмень. Нет, не соскучился. Забрал остаток своего отряда, да ещё десяток желающих в раю пожить. В результате этого набега население Тюмени уменьшилось на тридцать семь человек, а население Миасса на столько же увеличилось. Вот по возвращению в Миасс новость казаков и ждала. Приплыла лодья с Вершилова, и привезли кроме продуктов и мушкетов новых, посланники от князя Пожарского задание мэру Шульге, найти эту самую гору на реке Яик. Прилагалось к заданию плохонькая карта и примерный план поиска. Плохонькой карта была не вся. Реки Белая и Миасс очень хорошо были прочерчены, Волга тоже вполне, а вот Яик был прерывистой чертой обозначен вплоть до Гурьева. Нет ещё нормальных карт этих мест.

Никите Михайловичу нужно было снарядить стрельцов пару десятков, придать им рудознатцев Ивановых и присланного специально картографа. Епифан сам вызвался с казаками найти истоки реки Яик и, пройдя вдоль неё, всё на карту нанести вплоть до горы «Магнитной». Не сидеть же сиднем в Миассе. Зря их, что ли, кормили всю зиму и весну? Тем более что князь писал в грамотке, что от Белорецка до горы всего двести – триста вёрст. Плёвое дело.

Чёрта с два! Два раза они уже в Белорецк возвращались. Найдут речку и радостно, чуть не вприпрыжку, несутся вдоль неё. А она в Белую через пару десятков вёрст впадает. Так ведь ещё хорошо, что картограф с ними, не этот гишпанец, так вдоль Белой и ехали бы. Карлос Хосе же сразу компасом повертит, на солнышко посмотрит и удручённо руками разводит, не туда река течёт.

Надоело это, в конце-то концов, да из начала да в конечники. И атаман решил сменить первоначальный план.

– Давайте, казаки, в этот раз как можно дальше на полдень пройдем, вёрст может с сотню, и только тогда на восток повернём. Если карте верить, то в таком случае не должны опять к Белой выйти.

Ни каких возражений не последовало. Четыре дня пробирались сначала по тайге, потом по берёзовым лесам, а там и по степи, что небольшими берёзовыми да ольховыми рощами разбавлена. Быстрее можно бы было, всё же одвуконь все, но картограф гишпанский не давал разогнаться, ему, вишь, расстояние мерить пройденное надо. Идёт пешком и шаги считает. Епифан поинтересовался, зачем, али карту в шагах рисует? Оказалось, что в среднем шаг у Карлоса семьдесят один вершиловский сантиметр, вот он шаги считает и узнаёт, сколько они прошли и за день и за всё путешествие. И все рощицы, и ручейки на карту наносит, а потом с малых дневных карт переносит всё на большую. Хитро.

Первое время им попадались небольшие речушки, и так и подмывало, пойти по ним, может уже в Яик они впадают, но сам себя атаман останавливал. Решили, значит – решили. Повернули на восток на пятый день и ещё почти тридцать этих километров намотали. Рощицы стали встречаться чаще и дорога явно под гору пошла, ну, получается, правильно они идут.

Событие девятое

Санька Гамов зло настёгивал здоровущего и хитрющего французского мерина, что достался ему, как самому тяжёлому в их отряде. Дорога от Парижа до Реймса, куда они сей-

час спешили, не близкая. Вторую неделю уже в пути. Злился Шустрик не на коня, хоть тот и заслуживал, два или три раза уже умудрился нового хозяина укусить.

Злился Санька неизвестно на кого, но он дознается по возвращению в Вершилово, и тогда ворогу придётся объяснить, почему он соврал князю Пожарскому. И не в мелочи, ведь какой соврал! В соборе Парижской Богоматери не было тернового венца, да по существу, его там вообще никогда не было. Взятый в качестве «языка» один из монахов рассказал, что эта реликвия хранится совсем в другом месте.

До 1063 года венец находился на горе Сион в Иерусалиме, откуда его перевезли во дворец византийских императоров в Константинополе. Балдуин II де Куртэнэ, последний император Латинской империи, был вынужден заложить реликвию в Венеции, но из-за нехватки средств её не на что было выкупить. В 1238 году король Франции Людовик IX приобрёл венец у византийского императора. 18 августа 1239 года король внёс его в Нотр-Дам-де-Пари. В 1243–1248 при королевском дворце на острове Сите была построена Сент-Шапель (Святая часовня) для хранения Тернового венца. Вот там он уже почти четыреста лет и находится.

В итоге они набрали десять мешков с золотыми и серебряными предметами в соборе, надо же было делать вид, что они простые английские грабители. Только Пётр Дмитриевич ведь их не за лампадками и подсвечниками посылал, посылал за Терновым венцом. Получается, что одно из четырёх поручений князя Пожарского они не выполняют, а оно как бы и не главным было. Хорошо, что хоть Риза Спасителя оказалась именно там, где ей и положено. Санька сначала и на Мишеля злился, даже врезал ему стгоряча. Только потом понял, что не знал ведь де Нойрей, зачем они собираются ограбить Нотр Дам. Как выяснилось, он думал, что этим они хотят выманить туда кардинала. Кардинала вместе с отцом дю Трамбле они застрелили. Крепость и городок Аржантёй – северо-западное предместье Парижа ограбили и в Реймсе не должны оплошать. А что делать с первым заданием?

Санька потом, когда уже отошёл от гнева несправедливого и попросил прощения у Мишеля, порасспросил его про эту Сент-Шапель.

– Да, вы самоубийцы что ли? – схватился за голову командор.

– Всё так плохо? – приуныл лейтенант Гамов.

– В сто раз хуже. Это же бывшая резиденция короля, теперь Дворец Правосудия и тюрьма. Там рота мушкетёров, швейцарцы, гвардейцы кардинала и с сотню дворян умеющих владеть шпагой. Вы что вдесятером полезете на несколько сотен вооружённых и неплохо обученных воинов? – выпучил глаза француз.

Понятно, что один на один его десяток много французов уложит, даже с сотней, поди, справились бы, пусть и с потерями, но с четырьмя сотнями.

– А если ночью? – не унимался Санька.

– Хоть ночью, хоть днём, хоть утром, хоть вечером, что хотите, делайте, только без меня. У меня дети, жена, да и просто пожить хочется, – махнул рукой Мишель.

Ладно, подумать надо. Пока вон Реймс уже недалече. Мысли же ни как не желали переключаться на ограбление монастыря в местечке Отвильер в Шампани, в окрестностях города Реймса в котором хранятся мощи святой равноапостольной царицы Елены. Всё возвращались и возвращались в Париж. Ну, положим, он возьмёт охранников с монетного двора и банка «Взаимопомощь». Человек десять можно набрать. Только русских если брать. Так-то теперь там уже в основном сами французы обученные вершиловцами справляются. Только кишка, скорее всего, тонка даже у обученных французов напасть на резиденцию своего короля. Нет. Что десяток, что два десятка, лезть дуриком напролом нельзя. Ведь ещё и выбираться потом с этого острова надо. Думать надо. Эх, попадётся ему ещё под руку тот, кто обманул Петра Дмитриевича. Расплата грядёт неминуемая.

Событие десятое

Иван Пырьев тихо сатанел. Да и громко тоже сатанел. Мог бы и громче, но голос сорвал. И как это Пётр Дмитриевич за саблю не хватается? Граф Пырьев уже два раза чудом, что не зарубил одного голландца и одного своего русича. В последний миг отводил саблю. После этого он её перестал с собой брать. С кем тут воевать – остров. Нет, если в целом посмотреть, то всё вроде бы и не плохо. Дома строятся, форт практически достроен, с индейцами торговля налажена, пшеницу, рожь и ячмень посеяли, да и колосятся уже, явно теплее здесь, чем в Нижнем. Сатанел Иван Пантелеймонович Пырьев-Делаверский от помощников. Вроде бы объяснишь им, что и как делать, а они послушают, покивают и сделают по-своему. Зачем? Почему? Сказал посреди каждого дома строить печь голландку. И что? Построили какую-то громадину на половину дома.

– Что это?

– Печь, у нас в Нижних Землях в богатых домах такие ставят.

– А я что сказал делать?

– Печь как в Голландии.

Тогда почему Пётр Дмитриевич замечательные круглые печи «голландками» называет? Пришлось брать пару русских, что прибыли из Вершилова и самим с помощью немецких, французских и голландских печников строить обычную для Вершилова печь. Они там в своих Нижних Землях из-за войны, что уже больше полувека идёт, видно, совсем друг с другом не общаются. Иван подружился с военным инженером Крейном Фредериксзоном ван Лоббрехтом и тот вечерами за чашкой местного травяного чая рассказывает про свою родину. Там сейчас всё перемешано, часть провинций всё ещё под испанцами, часть объединилась в Республику, на части война идёт. Это же надо, больше пятидесяти лет люди за свою свободу борются. Молодцы, упёртые ребята. Скорее всего, такие печи строят в тех провинциях, что сейчас входит в Испанское королевство.

С банями ещё хуже. Отдал приказ рядом с каждым домом строить баню с печью, что топится по белому и каменкой. Смеются.

– Кто же в них будет мыться? – второй директор Вест-Индской компании Виллем Верхюлст прикрыл ладонью улыбку.

Пришлось взять за шиворот этого «весельчака» и встряхнуть.

– Вы знаете, что тиф, чуму и прочие болезни передают вши. А этих вшей по вашей Европе разносят крысы, с которыми вы не боретесь. Вшей не прожариваете, сами не моетесь, кошек истребили. Варвары! Дикари! Баня должна быть у каждого дома и каждый человек в Санкт-Питер-Бурге должен не реже одного раза в неделю мыться и все вещи прожаривать в бане, а потом стирать с мылом. Я буду ходить и проверять. Найду вшивого, который соврёт, что в баню ходит, на первый раз отрежу ухо, на второй охолошу. Ясно!

Притихли «весельчаки». Только чувствовал Иван, что пару ушей однозначно придётся отчекрывать. Европа, блин, просвещённая. Неучи чумазые.

Вообще, с переселенцами графу явно не свезло. Один всего плюс, все протестанты: и немцы, и французы, и голландцы. Хоть на религиозной почве не собачатся. Зато грамотных почти нет. Докторов нет, а судовой доктор с «Принца» в медицине хуже любого вершиловского пацана понимает, только клизмы умеет ставить, да раны прижигать. Первым своим указом Иван велел школу строить по подобию той, с которой в Вершилово начинали. На первое время пойдёт, а там дальше будем нормальную, каменную, строить. Сейчас трое выпускников седьмого класса уже с семилетками занимаются. Тоже «просвещённые» сначала заартачились. Как это всех детей на целый день от хозяйства оторвать? Пришлось скрипнуть зубами и напомнить про «ухи». Почему всё приходится заставлять делать? Ведь для них же, как лучше стараешься.

Понимал теперь Иван, как тяжело было малому княжичу Пожарскому строить теперешнее Вершилово. У него хоть есть пример перед глазами, а Пётр Дмитриевич всё с нуля начинал. Ничего! Как любит говорить Пожарский: «Мы построим коммунизм в отдельной деревне». Коммунизм – это когда все вместе на одну цель трудятся и потом все доходы по-честному на всех делят.

Глава 2

Событие одиннадцатое

Подводная лодка в степях Украины героически погибла в воздушных боях, в не вырытых ещё шахтах Донецка.

Князь Пётр Дмитриевич Пожарский меньшей сидел в личных покоях митрополита в Киево-Печерской лавре и смотрел с улыбкой на двух с половиной запорожских гетманов. Улыбка была не с радости, и не смешно ему было ни сколько. Страшно было. Гетманы хотели сбросить панов и ляхов. Самостийности хотели. Сами хотели стать панами и ляхами. Ну, не ляхами, а шляхтичами. Ссуки! Ничего за четыреста лет не изменилось. Вернее, наоборот, за четыреста лет ничего не изменится. Эти олигархи хотят сами народную кровь пить. Сейчас им ляхи с литвинами мешают, потом будут мешать москали.

Когда это началось? Ярослав Мудрый виноват? Он разделил огромную непобедимую страну между сыновьями на удельные княжества, и они начали усобицу, которая уже никогда не закончится. Мудрый? Понятно, что любой отец хочет оставить сыновьям квартиру и приличную работу. Княжеский терем – не худший вариант. Только нельзя путать свою шерсть с государственной. Тебя поставили страной управлять, а ты её сыновьям раздарил. Много надо мудрости. Теперь-то, что делать. Не гетман польный Станислав Конецпольский враг. Вот они враги сидят напротив. Уже шкуру делят.

Два с половиной гетманов было по той причине, что гетман Дорошенко застрял пока в Крыму и послал вместо себя в Киев на «слёт» будущих олигархов полковника Микулу Грызло. Самое интересное, что грызться между собой гетманы не собирались. Сейчас «клятые москали» побьют «курву польску» и братва поделит между собой многомиллионный народ. Всех ляхов на кол, а имения раздать старшине казацкой. А что делать с теми старшинами, что перешли в католичество, и сейчас за ляхов будут биться, ну или в сторонке постоят, посмотрят, куда кривая вывезет?

– Та, хай, назад перекрестятся!

– А кто не захочет?

– Та, дурней немає!

– А если найдутся?

– Тоди на кол.

«Москаляку на гиялку». Знакомо. И «Волынская резня» предстоит, на триста с лишним лет раньше. Это уже не русские люди. Это хохлы. Ещё нет этого понятия, ещё нет понятия «Украинец», они называют себя русскими, но они не русские. Почти триста лет польско-литовского владычества коренным образом изменили людей. Вся казацкая старшина спит и видит, как станет шляхтичами и хлебнёт, наконец, вольностей полным горлом.

Чем заканчиваются шляхетские вольности? Распадом государства. Целый Сталин понадобился, чтобы вернуть все польские земли в руки поляков. И за это потом станет врагом Польши номер один. Как не допустить образование новой шляхты? Чёрт! Нужно думать, как разбить огромное войско, что со дня на день подойдёт к Южному Бугу. Конецпольский уже вышел из Каменца, и по пути к Белой Церкви будет переправляться через Южный Буг. Нужно срочно выдвигаться, от Киева до реки километров двести, а то и больше. А вот господам гетманам сначала нужно узнать, а что будет потом, как делить города и веси.

Может бросить их одних с Сигизмундом разбираться? Не помнил генерал Афанасьев, чем этот бунт в реальной истории закончился, но видно ни чем хорошим, раз про него братский

украинский народ песен не сложил. Потом из турецкого плена освободится Богдан Хмельницкий и у польского писателя Генрика Сенкевича появится повод написать свою знаменитую трилогию. Украина и Польша умоются кровью. Так ведь, не получится, на днях в Киев начнут прибывать войска. Много плохо обученных и плохо вооружённых русских людей с плохими командирами. Опять будут реки крови, только теперь своей и это с учётом того, что Россия сейчас в огромной демографической яме.

– Господа, казаки! – прервал их галдёж по поводу Львова Пётр, – Давайте для начала справимся с гетманом Станиславом Конецпольским. У него порядка тридцати тысяч войско, а нас с вами сколько. Мне нужно для вылавливания бежавших и дезертировавших противников тысяч пять казаков. Нельзя дать этим товарищам превратиться в мародёрствующие банды. Я выступаю, завтра со своим полком к Белой Церкви и потом дальше к Виннице или Хмельнику, в зависимости от того, где будет переправляться через Южный Буг Конецпольский. Ещё мне нужно пару десятков казаков одвуконь уроженцев тех мест для ведения разведки, ну, наблюдения за противником. Это первое.

– А что делать с пленными? – это уже победил ляхов молодой и горячий Сагайдачный.

– Пленных я выкуплю у вас и отправлю в Сибирь и на Урал крепить могущество России, а по-простому – работать. Только вы перестаньте шкуру убитого медведя делить. Силён медведь. И нас намного меньше. Да, в эти пять тысяч должны войти не желающие пограбить самим, а опытные и дисциплинированные воины. Банды дезертиров будут при оружии и на чужой территории, будут огрызаться, как и любой загнанный в угол зверь. Всё, давайте расходиться. У меня дел полно. И второе. После победы будем земли делить. Вот прямо здесь. После того, как Сигизмунд капитулирует.

Событие двенадцатое

*Товарищи учёные, доценты с кандидатами,
Замучались вы с иксами, запутались в нулях,
Сидите там, разлагаете молекулы на атомы,
Забыв, что разлагается картофель на полях.*

*Из гнили да из плесени бальзам извлечь пытаетесь,
И корни извлекаете по десять раз на дню,
Ох, вы там добалуетесь, ох, вы доизвлекаетесь,
Пока сгниёт, заплесневет картофель на корню.*

Боше де Мезириак горланил песню наравне со всеми остальными учёными, сидящими у костра. Когда весною её впервые на итальянском спел Клавдио Акиллини половина собравшихся просто попадала со стульев, вторая половина осталась сидеть не потому, что ей было не смешно, а потому что ...

Хотя, конечно же, ей было не смешно, эта вторая половина просто не знала в совершенстве итальянский, всё же латынь серьёзно отличается от современного языка, да ещё в разных карликовых государствах расположенных на Аппенинском полуострове свой диалект.

Теперь все пели на русском. Кто был автором текста и музыки, было точно неизвестно. Существовали и немецкий и французский вариант песни. Одно было бесспорно – нигде кроме Вершилово этой песни написать не могли. Какие такие «Доценты»? Нет в Европе ни в одном университете, ни каких доцентов. Они есть только в школах Вершилово. Доцент в переводе с латыни означает обучать, то есть учитель. Отличается он от «профессора», что переводится

на русский как преподаватель или наставник, тем, что может обучать детей только до пятого класса, где не требуется ещё углублённого знания математики, геометрии, физики, астрономии. В шестом и седьмом классах преподают профессора.

С «кандидатами» и того смешнее. Кандидат – это профессор, приехавший из Европы. Станет он профессором снова или доцентом, или ему не доверят вообще учить детей, зависит от самого кандидата. Нужно в совершенстве освоить русский язык, а потом выучить и понять, главное, то, что они здесь за эти шесть лет напридумывали, наоткрывали, наизобретали. Тяжело! Даже не так. Очень тяжело, почти невозможно для многих. И дело не в русском. Дело как раз в математике, астрономии, химии, физике. Про медицину даже говорить не стоит. Там, в Европе, нет медицины. Понятно, что и в Азии нет, про Африку с Америкой не стоит и упоминать. По словам князя Пожарского очень не плохая народная медицина в Китае. Только один единственный живущий в Вершилово китаец к медицине никакого отношения не имеет, он купец. Ну, был купцом. Сейчас он просто ученик третьего класса школы.

Про молекулы и атомы там, в Европах, знать не знают, слова-то есть и даже смысл иногда в эти слова вкладывают близкий к истинному, но вот, что молекулы могут разлагаться на атомы и этих атомов не четыре, а больше сотни, знают только здесь. Даже и учебника ещё настоящего нет по химии, только набор из нескольких лекций, что читает сейчас ван Гельмонт. Сейчас и Глаубер, и Жан Рэ, и ван Бодль, и все остальные, кто причислен к химической лаборатории, пытаются систематизировать свои знания и уж, потом начнут писать учебник по неорганической химии. А по органической? Про получение различных лекарств из той же плесени или из других грибов и растений. Дожить бы до этого.

Про картофель из учёных вообще один Баугин знал до переезда в Вершилово. Он и описал картофель, присвоив ему в 1596 году в работе «Theatri botanici» научное название на латыни *Solanum tuberosum*. Но он думал, что это просто диковинный цветок из Нового Света, а не продукт питания, один из самых вкусных овощей.

*В общем, так, на конке мы до Волги доезжаем,
А там пешком и не стонать,
Небось, картошку все мы уважаем,
Когда с солью её намать.*

Бесспорно, картофельное пюре любят все. Все, кто попробовал его. Сейчас в Вершилово таких людей около двадцати тысяч. Конечно, детей до года или двух лет нужно вычестить из этого числа. Ну, пусть тысяч восемнадцать. У самого Боше вот-вот родится пятый ребёнок. Уезжая в дикую варварскую Московию, де Мезириак оставил жену и четверых детей в Париже. Страшно было брать их с собою. Сам Боше происходил из довольно богатой дворянской семьи, но родителей он почти не помнил. Чума, будь она проклята. Учился в Реймсе в иезуитском коллеже у Жака де Билли, с которым его связала тесная дружба и общий интерес к математике. Изучил несколько языков, в том числе латинский, греческий, иврит, итальянский и испанский. Писал стихи на французском, итальянском и латыни. Женился в 1612 году, и к моменту поездки в Россию уже стал отцом трёх сыновей и одной девочки. В прошлом году, получив от императора титул барона и осознав, что жить в Вершилово много лучше, чем в Париже, де Мезириак предпринял путешествие во Францию, чтобы забрать семью. На счастье все дети и жена были здоровы и хорошо перенесли дальнюю дорогу. Огорчила Франция, особенно Париж. До Вершилово он казался огромный кипящий жизнью городом. Город? Грязная вонючая помойка! Там просто страшно ходить по улицам. Днём страшно. Ночью невозможно. Разве что с ротой швейцарцев в охране. Везде нищие, попрошайки, калеки. По немощёным улицам текут ручейки из нечистот. Сверху, то и дело на тебя выплёскивают помои. Как там живут люди? Зачем они там живут? Люди ли они?

Сейчас Боше был на субботнике. Картофель ещё и не думал разлагаться, он ещё и не вырос. Был самый конец июня, и его сейчас нужно было «окучить». Вот этим они и занимались. Вместе с де Мезириаком на окучивание вышли десятки учёных, почитай вся Академия Наук, за исключения совсем уж пожилых и больных. Люди взяли с собой старших сыновей и немного булочек, бутербродов, молоко и хлеб предоставил хозяин поля, на которого они сейчас «батрачили». Смешно, профессора и дворяне обрабатывают поле крестьянину, а не наоборот. Нигде в другом месте такого просто не могло случиться. И ведь они вышли работать не за деньги, и даже не за еду, еду-то каждый с собой сам принёс. Более того, даже инструмент, которым они окучивали картошку, был свой. Его выдали каждому члену Академии и всем военным в Вершилово год назад. Инструмент назывался «тяпка», от слова «тяпать», то есть удалять сорняки, и напоминал мотыгу, только маленькую и лёгкую.

Около часа работы, а потом вот такое «сидение» у костра на свежем воздухе с перекусом. Рядом друзья, носятся, играя во что-то пацаны, светит, пригревая не яркое русское солнце, изредка проплывают по Волге лодьи с плещущими на неровном ветру парусами, поют птицы. Нет. За эту работу не нужно денег. Нужно ещё и доплатить этому крестьянину, что согласился запустить их к себе на поле. А песни под гитару и скрипку, что принёс Клавдио Акиллини. Он пришёл на субботник с сыном Джiovанни Филотео, который недавно перебрался к отцу из Болоньи, вместе с остальными детьми профессора и поэта. Все учёные, что приехали посмотреть, стоит ли принимать предложение князя Пожарского остаются, а потом и перевозят к себе семьи и зовут коллег и друзей, родственников.

*Вы можете прославиться почти на всю Европу коль,
С лопатами проявите здесь свой патриотизм,
А то вы всем кагалом там набросились на грызю блин,
Собак ножами режете, а это бандитизм.*

*Товарищи учёные кончайте поножовщину!
Бросайте ваши опыты, сульфид и ангидрид,
Садитесь на конку все, валяйте к нам в Козловицину,
А излученье с призьмою денёк повременит.*

Деревня, на полях которой они сейчас проявляли трудовой «патриотизм», как раз и называлась Козлово. У Трофима – хозяина картофельного поля, было ещё поле с кукурузой и два поля со злаковыми, но к стыду своему Боше рожь от ячменя и пшеницы в виде колосьев отличить не мог. Вот вкуснейший ржаной хлеб, что принёс Трофим, от сдобных булочек из белейшей пшеничной муки, которые дала де Мезириаку тётка Маруся, которая работала у них в доме кухаркой и нянькой и наводителницей чистоты, это – пожалуйста, он отличит. Ещё и неизвестно, что вкуснее. Тёплый ещё ароматный хлеб с холодным молоком и дымом костра или булочка с малиновым вареньем под чашку китайского чая с мятой. Тут нужно неделю «пробовать», чтобы отдать первенство.

Трофим по французским меркам был богатей – восемь коров, две лошади и два жеребёнка, десяток свиней и, поди, десятка три индюков. Этому крестьянину князь Пожарский доверил разводить этих огромных птиц, пока их никто не пробовал, все вылупившие из большущих яиц птенцы выращивались и сами шли на племя, осенью только собирался главный животновод Вершилова Иван Охлобыстин разрешить забить Трофиму несколько самцов. Ничего, никто помирать не собирался, попробуем ещё индюшатины.

*Значит так, на конке мы до Волги доезжаем,
А там пешком и не стонать,*

*Небось, картошку все мы уважаем,
Когда с солью её намять.*

Ещё боле вкусную картошку французский математик пробовал осенью прошлого года. Тогда с ними был и князь Пожарский. Пётр Дмитриевич, когда костёр уже прогорел, бросил в угли десяток картошин и засыпал сверху горячей золой. Когда он через десяток минут достал почерневшую, обуглившуюся картошку все горестно вздохнули. И зря. Князь разломил одну из них, посыпал сверху солью, и дал попробовать Иоганну Кеплеру. По гримасе удовольствия все поняли, что немец уголёк «распробовал». Жаль, мало было картошин в костре, только по одному кусочку всем и досталось. Ничего, через пару месяцев снова осень и снова нужно будет копать картофель и сжигать его ботву, тогда уж печёную в углях картошку они распробуют.

А вот песня уже начинает устаревать. Нет уже ни какой конки. Сейчас вагоны тянет по рельсам паровоз. Немного шумно, зато в несколько раз быстрее. Недавно пришли первые в этом году корабли с загадочного уральского Миасса. Привезли опять рельсы. Скоро можно будет от Вершилова доехать на паровозе прямо до Нижнего Новгорода, а там, смотришь, через несколько лет и до Москвы. Если бы кто другой, а не Пётр Дмитриевич рассказал Боше, что можно будет от Вершилова за один день доехать до Москвы, ни за что бы, ни поверил. Да и сейчас ещё, по большому счёту, не верится.

*К нам можно даже с семьями, с друзьями и знакомыми,
Мы славно тут разместимся, и скажите потом,
Что бог, мол, с ними с генами, бог с ними с хромосомами,
Мы славно поработали и славно отдохнём.*

*Товарищи учёные Дезарги драгоценные,
Декарты ненаглядные, любимые до слёз,
Ведь лягут в землю общую останки наши бранные,
Земле ей всё едино, что профессор, что навоз.*

В целом, за лето таких субботников набиралось штук восемь. Так следующего ждали. Посидеть у Волги у костра, ребята на удочку поймают немного рыбёшки, которую тут же всем миром превратят в уху. Наверное, повар сварил бы лучше, но вот вкусней ли. Запах дыма и ветер с реки, и песня под гитару. Нет. Субботник это именно отдых и праздник и на него нужно выбираться с семьями, с друзьями. Великий поэт написал эту песню, непонятно только почему никто не сознаётся в авторстве.

*Так приезжайте милые рядами и колоннами,
Хотя вы все там химики и нет на вас креста,
Но вы же там задохнитесь, за вашими ретортами,
А здесь места отличные, волшебные места.*

*Товарищи учёные, не сумлевайтесь милые,
Коль что у вас не ладится, ну там не тот эффект,
Мы сразу к вам заявимся с лопатами и с вилами,
Денёчек покумекаем и выправим дефект.*

А вот и новую порцию свежего, ещё горячего ржаного хлеба принёс Трофим. Кроме разведения индюков он ещё и открыл собственную пекарню, пока у него всего один вид продукции – ржаной круглый хлеб. Но какой! Половину Вершилова стоит у его лавки и ждёт, когда

привезут новую партию. Разве такой хлеб могут испечь во Франции? Хорошо, что барон Мезириак живёт не *там*, а *здесь*.

Событие тринадцатое

Епифан прополз ещё пару метров и снова остановился, кровавая пелена вновь застила глаза.

– Нельзя останавливаться, нужно ползти, – прошептал он себе и попытался, опираясь на здоровую левую руку, продвинуться ещё чуть-чуть.

Бывший атаман донских казаков, а теперь сотник Епифан Соловый полз к реке уже почти сутки. По его прикидкам оставалось чуть. Вот на тот холмик уже залезть и оттуда, скорее всего Укшук, приток Белой, будет виден. Нет. С вершины холма был виден унылый следующий холмик, разве чуть больше этого. И ...

– Чайки! – сил сразу добавилось.

На них опять напали торгуты. Продвигаясь на юг, отряд казаков из Миасса вполне мог с ними встретиться, и Епифан, и дозоры высылал, и на ночь охранение выставлял, но день за днём всё было тихо. Один раз наткнулись на стойбище башкир. Только ни чего полезного от этой встречи не вышло. Башкир Тимер, что был взят именно для таких вот встреч переводчиком из Миасса, пообщался с сородичами и те сказали, что идут они правильно и через пару часов выйдут к Яику. Однако это и так было понятно, стали попадаться берёзовые рощицы и заросли таволги, значит вода близко. Ну, хоть пару овец удалось выменять на ножи и небольшой котелок. Башкиры были бедны и совсем дикие, ничего про царя и Российскую империю и слыхом не слыхивали.

Добравшись до реки, устроили привал и отдыхали два дня, пробиваться сквозь траву, что коню по грудь то ещё удовольствие. Башкиры махнули рукой куда-то на юго-восток на вопрос про гору. Это и без них было ясно. Тронулись утром по прохладе, предвкушая скорый конец этой не простой вылазке непонятно куда. Так и получилось. Только конец был совсем не тот, на который надеялись.

Епифан себя во всём винил. Мог бы ведь дозор вперёд больше послать. Двое казаков ехали в пределах видимости, Соловый время от времени бросал на них взгляд и вновь погружался в свои мысли. Мысли были о том, что пора уже остепениться, жениться, обзавестись домом и хозяйством. Хватит, настранствовался, навоевался. Подняв очередной раз глаза на дозор, Епифан и заметил, как казаки валяются с коней. Епифан вскинул подозрную трубу к глазу и, не донося уже, заметил всадников «мчавшихся» навстречу. По такой траве особо быстро не получится.

Тех было с десятков. Местность была холмистая и торгуты не видели ещё, поди, отряд казаков, но через минуту выскочили степняки на небольшой холм и, развернувшись, скрылись за этим самым холмом. С диким криком Соловый прищпорил коня и увлёк казаков за неведомыми пока степняками. Однако уже через несколько секунд взял себя в руки. Нужно сначала проверить дозорных, может, ранены просто. Эта заминка, в конце концов, послужила отряду хорошую службу. Удалось спасти рудознатцев братьев Ивановых, толмача башкира и картографа гишпанского Карлоса с молодым казаком Васькой Касьяновым.

Жив был только один дозорный, второму казаку стрела вошла в горло, и сейчас уже по позе стало ясно Епифану, что отлетела душа боевого друга. Ехавший первым молодой Васька был жив, стрела вошла в правое плечо, и атаман, переломив её, легко вытянул с другой стороны. Не слабый лук был у степняка, да и силища в руках, насквозь прошла совсем не хиленькое плечико Касьянова.

Пока Епифан занимался с раненым, оставшиеся восемнадцать казаков уже спешили и заряжали мушкеты. Тем же занимались и рудознатцы с башкиром.

– Тимер, бери рудознатцев с гишпанцем и Ваську и отходите назад к реке, – и зыркнул на попытавшегося дёрнуться раненого, – Если что, доведи людей до Белорецка. Понял ли?

– Понял, – скривился не то от боли в плече, что бинтовал Соловый, не то от нежелания этот приказ исполнять, Васька.

В это время вернулся с ближайшего холма посланный оценить обстановку казак.

– Беда, атаман, не меньше сотни поганых, через пяток минут здесь будут.

Соловый сам помог взгромоздиться на коней рудознатцам и картографу и, огрев плетью жеребца Касьянова, заорал.

– Становись за коней, ребята! А вы чтоб до реки не останавливались, – и под Тимером тоже брыкливую кобылку от всей души плетью попотчевал.

Очнулся Епифан среди ночи от невыносимой тяжести давящей на грудь. Он долго не мог понять, где же он находится, потом с ужасом сообразил, что лежит в куче мёртвых товарищей. Торгуты решили ответить русским той же монетой – сложили из убитых казаков гору. Атаман попытался из-под этой тяжкой ноши выбраться. Хорошо, что он находился не в самом низу, по вершкку, преодолевая рывки боли в правой раненой руке, ему удалось выбраться до половины наружу. Тут он вновь потерял сознание и очнулся уже на рассвете. Сил чуть прибавилось, и Соловый, сделав последнее усилие, сполз по голым бывшим боевым товарищам на землю.

Сам бой запомнился плохо. Они успели сделать залп из мушкетов, потом стреляли из пистолей и даже, вскочив на коней, бросились в сабельную рубку. Чем она закончилась было ясно, но атаман её не помнил, видно в это время в него обе стрелы и попали. Вторая стрела вошла в грудь прямо над сердцем, но далеко не вошла, видно была на излёте, застряла в ребре. Выкарабкиваясь ночью из-под горы тел, Епифан её умудрился выдернуть, от этого видно и сознание потерял. Торгуты забрали всё, одежду, оружие, коней и всё снаряжение экспедиции. Утром, осмотрев погибших товарищей, атаман только одни портки и нашёл. Что ж, надо отдать должное поганым, они оказались прилежными учениками и явно были в бою у Миасса.

– Ничего, я ещё вернусь, – пообещал Епифан казакам и неведомо где сейчас находившимся степнякам.

Пополз он на запад, где-то там должна быть река, да и не далеко вовсе. Не так далече и стойбище башкир.

– Вернусь, – стиснул зубы Епифан Соловый и, опершись на левую руку, продвинулся вперёд ещё на пару вершков.

Событие четырнадцатое

Дурак обвиняет других,
Умный обвиняет себя,
Мудрый не обвиняет ни кого.

Как-то так звучит еврейская мудрость из какой-то их книги. А князю Пожарскому теперь кого винить? Хотя? Почему бы не обвинить генерала Афанасьева? Он ведь придумал этот бой у переправы. Резон у генерала был. Нужно было испытать в боевых условиях митральезы и картечницы Гатлинга. А ещё ведь нужно и напалм попробовать применить. Сделать эту адскую смесь не сложно. Бензин, керосин, немного мазута тоже можно. Все это перемешать и по пуду мыла в бочку, как загуститель. Перемешивать до состояния киселя из детства. И в каждую бочку взрыватель из бертолетовой соли, динамита и прочей взрывающейся химии, а к нему недавно освоенный бикфордов шнур.

Ну, что ж, испытания удались. Правда, один из трёх гатлингов заклинило почти в самом начале, зато митральезы отработали на пять, ну, там и нечему заклинивать, знай вовремя меняй кассеты. Количество выстрелов в минуту получается чуть меньше чем у механического

пулемёта, всего сто пятьдесят – сто шестьдесят, против двухсот, только ведь ляхам и этого за глаза хватило. Даже с огромным избытком. Нет больше у Сигизмунда войска в тридцать тысяч – разбежалось. Макиавелли, кажется, говорил, что для ведения войны нужны три вещи: «во-первых, деньги, во-вторых, деньги и в-третьих, опять-таки деньги». Нет. Можно с товарищем поспорить. Ещё нужны дураки, которые за эти деньги согласятся с князем Пожарским воевать. Ляхи даже парламентёра не прислали, тоже желающих на левый берег Южного Буга переправиться Станислав Конецпольский не нашёл. Но, по порядку.

Успели добраться до Южного Буга за два дня до неповоротливого огромного, растянувшегося на десятки километров квартяного войска. Разведчики из казаков чётко указали место, где собирается гетман Конецпольский форсировать реку. Просто взяли и спросили у одного из панов, тот и рассказал всё, правда, перед этим ему для придания разговорчивости глаз выкололи. Так это издержки. Какая разница – умирать с двумя глазами или с одним.

Пришли, окопались, даже пушки до половины в землю врыли, чтобы они не отсвечивали сильно. Сложнее всего было с напалмом. План по его применению был такой: зарываем две бочки на переправе, прямо под водой, и когда доблестные войска побегут назад, тут их и взорвать. Психологический эффект главнее десятка, ну, или даже сотни убитых, вода горит. Сложности были с тем, кто и как запалит бикфордов шнур. Пришлось посадить не далеко от переправы несколько кустов ивняка с обеих сторон и оборудовать среди вновь «выросших» зарослей перевёрнутую дырявую лодчонку. Причём, настолько дырявую, чтобы ни у кого не возникло желание ею воспользоваться. Вот под лодками и схоронилась пара добровольцев. Стимулом им послужила медаль «За воинскую доблесть» и двести рублей золотом. Как ни странно, но бабахнуть вызвались в основном немцы, причём именно немцы, а не испанцы, итальянцы, голландцы и прочие французы. Боевые ребята, не зря видно обе мировые войны они развязали.

В целом план был прост. Дожидаемся, пока переправится пара тысяч человек, и открываем огонь из пулемётов и пушек. Заодно и новые шрапнельные снаряды испытаем. Без всяких сомнений под таким огнём ляхи побегут, вот в это время должны и бочки с напалмом грохнуть. А потом сворачиваемся и уходим километров на десять – пятнадцать на север. Когда же через несколько дней Конецпольский вновь переправится через Южный Буг, то отрезаем ему пути отхода и истребляем и пленяем квартяное войско. Пленных отправляем в Казань и Уфу дороги строить. Вот и весь план. Не вышло.

Первая часть плана сработала на четыре с плюсом, бабахнула только одна бочка с напалмом, и заклинило одну из картечных Гатлинга. Отошли, выслали разведку и стали ждать. Только вот вместо врагов переправились лишь разведчики и доложили, что нет больше войска у Конецпольского, и немцы наёмники и паны разбежались, причём ещё и передрались между собой. Победили наёмники. Дрались из-за казны. А как же дороги? И что теперь делать? Двигать на Каменец и потом на Львов? И что теперь делает Жигамонт?

Событие пятнадцатое

Коронный польныйгетман Станислав Конецпольский с хоругвью гусар прискакал к воротам городка Брацлав, что на западном правом берегу Южного Буга уже почти ночью. Долго переругивались гусары и стражники на стенах, не желающие ворота без приказа открывать. Дождались, пока разбудят хорунжего, и тот соизволит этот приказ дать. Во всех этих перекрикиваниях и угрозах гетман участия не принимал, он кое-как сполз с пегой кобылки, что вела родословную, несомненно, от арабских скакунов и отличалась просто неопишуемой непоседливостью, если так можно сказать о лошади. Рядом с воротами стояла сломанная телега, Станислав привязал егозу к передку, а сам присел у колеса прямо на землю. Всё это Конецпольский проделал без участия головы, голове было не до того, она паниковала.

Так уж случилось, что практически все битвы, где участвовал Станислав, поляки проигрывали, это, и Цецора, и череда сражений у стен Москвы, когда они почти дошли до Арбатских ворот, но были отброшены русскими и, потом осада Пернау, даже в плен крымчаки его взяли. Исключением можно считать 20 июня 1624 года, когда Кантемир-мурза потерпел поражение от польской армии под командованием польного гетмана коронного Станислава Конецпольского под Мартыновом. Только можно ли ту стычку с отягощёнными полоном степняками считать победой, они просто побросали добычу и ушли. Сегодня было другое сражение. Нет. Сражения не было. Даже избиения не было. Было истребление.

Станислав наблюдал за переправой, стоя на высоком правом берегу Буга, там ещё и холм был небольшой, словно специально насыпанный в ровной степи для того, чтобы он полностью, во всех подробностях разглядел гибель венгерских пехотинцев Феликса Невяровского, и крылатых гусар каменецкого подкомория Николая Потоцкого, ну, и позорное бегство рейтар наёмников из Бранденбурга под командованием Карла Бурштейна. А потом костёр из этих самых рейтар.

Дальнейшее даже вспоминать не хочется. Немецкие пехотинцы решили, что нужно идти домой, только войсковую казну забрать перед этим. Первым делом они закололи своего командира барона Вильгельма фон Кнеля, а затем смяли охранявших ставку улан и, завладев деньгами, двинулись по направлению к Тернополю.

Посланные отбить казну гусары напоролась на залп из тысячи, а может и больше мушкетов и почти все полегли. А вот после этого войско и начало разбегаться. Один за другим магнаты уводили свои полки и отряды. Не прошло и пары часов, как гетман остался с вот этой хоругвью гусар. Многие видели, как сотнями валились перешедшие реку и как потом горели рейтары, горели, находясь в воде, словно сама река полыхала. Конецпольский, конечно, слышал про греческий огонь, теперь вот и увидел. Как воевать с русскими, если у них есть теперь это оружие? И что он скажет королю? А что теперь будет делать Сигизмунд и Сейм? Объявят Посполитое Рушение? Только одно дело идти вразумлять холопов, а совсем другое воевать с князем Пожарским. Весть об истреблении лучшей части квартяного войска за пару минут мигом разлетится по всей Речи Посполитой. И не просто разлетится, но ещё и небылицами обростёт. Хотя и правды за глаза.

Матка Бозка, чем мешали Сейму казаки? Это была единственная сила способная противостоять крымчакам и туркам, да и с москвитями легче было говорить, имея за плечами пару десятков тысяч казаков. Как же, у магнатов убегают на Сечь холопы, и они терпят убытки. Кто будет обрабатывать огромные поместья? А теперь что? Лучше стало? Скупой платит дважды.

В голове гетмана снова всплыл вопрос заданный гетманом Кшиштофом Радзивиллом: «И самое интересное. Как поступит князь Пётр Дмитриевич Пожарский меньшей?». Вопрос остался. Теперь между этим сыном Сатаны и Краковом только гарнизоны крепостей. У Речи Посполитой нет больше войска и собрать новое будет не просто. А ещё стоит помнить, что до самого Львова эта земля с русским населением.

Станислав отдал поводья кобылы одному из слуг и пешком вошёл в открывшиеся, наконец, ворота. Что ж, завтра нужно ехать в Краков. Куда ещё ехать? Разве что в Сандомир к тестю? Нет. В Краков. Король должен узнать правду от очевидца, а не слухи в десятом пересказе.

Событие шестнадцатое

Круль Сигизмунд Ваза смотрел на папского нунция и мысленно проклинал в сотый, а то и в двухсотый раз Льва Сапегу. Какого чёрта, прости Господи, он тогда связался с этим дураком. Сидевший перед ним епископ плохо говорил по-немецки. Приходилось напрягаться и переспрашивать, но толмача же не позовёшь, слишком о тайных делах шёл разговор. Точ-

нее, Сигизмунд думал до начала этого разговора, что слышать его посторонним ушам не желательно. Оказалось, что не о том будет беседа.

Ещё в начале весны, получив ультиматум от шута на шутовском императорском троне, Михаила Романова, король отправил в Ватикан гонца с письмом к Его Святейшеству. Ведь папский престол ультиматум затрагивал в первую очередь. Московиты требовали вернуть все захваченные униатами и католиками церкви и храмы, вернуть всё имущество в них и в виде компенсации верующим построить ещё сто каменных православных храма во всех городах и крупных сёлах с преобладанием русского населения. Кроме этого схизматики требовали утвердить на Сейме запрет на гонение на православную веру и при малейшем нарушении этого запрета выдавать виновников в Москву на патриарший суд.

Король и не знал, что делать, смеяться или сразу объявить московитам войну. Только проклятые византийцы очень удачно выбрали время для своего «ультиматума». Восставшие казаки занимали в Малороссии один город за другим. Запорожцы, несомненно, были силой, которая заставляла с собой считаться. И вот если ещё и русские с двух сторон навалятся, то придётся вообще не сладко. Плюс к ультиматуму было и письмо от этого молокососа Пожарского. Это исчадие ада предупреждало, что сроки выплаты денег за убитых и раненых при нападении Сапеги на Ригу истекли, и он идёт со своим полком грабить Краков.

На Сейме к угрозе молокососа отнеслись с хохотом и улюлюканьем. Да и ультиматум постановили сжечь. Из мер же по противодействию московитам решено было ускорить формирование квартяного войска и объявить готовность в случае нападения схизматиков Посполитого Рушения. Ну и усилить гарнизоны пограничных городков и крепостей. Сам Сигизмунд вдобавок ещё и отправил гонца в Ватикан. И вот дождался ответа. Папа Урбан предлагал попытаться договориться с Российской империей миром и прислал буллу об отречении от церкви Льва Сапеги и всех его прямых родственников за нападение на папского нунция.

Да, медленно доходят новости до далёкого Рима. Уже почти год как гетман убит. В послании из Ватикана не было ни слова о помощи Речи Посполитой, а на прямой вопрос о ней, епископ пожал плечами и заявил, что приехал не за этим, приехал отлучать от церкви вероотступника и его семью. Сигизмунд знал, что Ватикан договорился с Москвой о строительстве в Риме монетного двора, который бы выпускал монеты такого же качества, что и русские, знал и о договоре Пожарского с орденом иезуитов. Но, что всё зашло, так далеко, не думал. Он положил половину жизни на укрепление истинной веры в своей стране и вот благодарность. Его и всю Речь Посполитую бросили на растерзание схизматикам. Может ли это быть правдой? Чего добивается Святой Престол? Неужели Урбан поверил в этот бред о нападении на папского нунция? Что творится с миром? Почему бог отвернулся от Польши, отвернулся от него? Или это просто Всевышний посылает лично ему испытание, чтобы проверить? Проверить, насколько сильна его вера?

Епископ ушёл. Король продолжал сидеть в кресле, купленном у русских, и вертеть в руках перьевую ручку с кровавым рубином на колпачке, русскую ручку. Надо было позвать кого-нибудь и приказать выделить папскому нунцию и его свите покои в старом дворце. Сигизмунд даже набрал уже воздуха в лёгкие, чтобы позвать маршалка, но тут дверь распахнулась, и на пороге предстал пошатывающийся малый в форме рейтар полка полковника Струся Калиновского.

– Ваше Величество, – скорее свалившись, чем встав на одно колено, прохрипел хорунжий, – Герцог Пожарский овладел Ригой.

Ну, конечно же, есть ведь ещё и старший Пожарский.

– Матка боска Ченстоховска!!! Это, надеюсь, всё? – как-то отрешённо полюбопытствовал Сигизмунд.

– Нет, Ваше Величество, Герцог Курляндии и Семигалии Фридрих фон Кетлер перешёл на сторону московитов, он подписал договор с герцогом Пожарским о вхождении его герцогства в состав Российской империи.

– Теперь всё?

– К сожалению, нет, Ваше Величество, – рейтар закашлялся и выдал очередную убийственную новость, – Князь Дмитрий Пожарский Лопата занял Дерпт. Гарнизон со знамёнами и артиллерией двигается к Динабургу.

– Хорошо хорунжий, идите отдыхать, и позовите маршалка сюда.

Нет. Плохие новости не кончились.

– Ваше Величество, прибыл гетман Конецпольский и просит принять его, – сообщил появившийся после ухода чёрного вестника маршалок.

– Что ж, надо полагать появился и третий Пожарский, – криво усмехнулся круль Речи Посполитой.

Событие семнадцатое

В Астрахани суда разделились, шесть больших новых лодей пошли к Дербенту, этих вёл Таймураз Бицоев. Купец отправлялся в очередной раз за горькой солью для стекла. Ещё три, тоже новых, построенных только зимой, лоды сначала должны были зайти в Терский городок, пообщаться с тамошними казаками, а потом уже в Дербент и Баку. На этих кораблицах было посольство князя Пожарского к шаху Абазу. Руководил посольством вызволенный из сибирских застенков бывший дьяк Посольского приказа Михаил Тюхин. Князь Пожарский хотел и посланников Коробьина и Кувшинова, побывавших в Персии в 1621 году, подключить к своему посольству, но в приказе упёрлись, эти поедут с императорским посольством. Ещё пять лодей встали пока в Астрахани. Нужно было поискать среди донских казаков людей бывавших в Гурьеве. Возглавлял эту третью экспедицию князь Ноздроватый Фёдор Васильевич, присланный Поместным приказом по просьбе Петра Дмитриевича. Формально возглавлял, фактически же главным был сын князя Разгильдеева Чепкун, а вот на самом деле все тяготы и заботы свалились на плечи бывшего десятника вершиловского Кузьмы Погожева. Кузьма был одним из старожилов Вершилова. Не из тех двух десятков, что прибыли вместе с княжичем из Москвы. Погожев был из тех двух десятков, что перебрался в первую зиму из Нижнего в Вершилово. Кузьма участвовал во всех походах, о чем позвякивали при ходьбе четыре медали. Ран, а значит и медали за «Боевые заслуги» стрелец не заработал, «вершиловским стрелком» тоже не стал, зрение уже начинало садиться, всё же четвёртый десяток пошёл.

Путешествие на Яик реку и поиск этой самой горы Магнитной предполагался совсем не быстрым. Они должны были добраться этим летом до Яицкого городка или Гурьева, тут Пётр Дмитриевич, собрав в Москве и Астрахани какие мог сведения только плечами пожимал. Получалась сущая ерунда, из одних сведений выходило, что этот Яицкий городок находится почти в месте впадения реки в Каспийское море, по другим же данным, чуть ли не в сотне вёрст или километров вверх по течению Яика. По этой самой причине сначала нужно было в Астрахани попытаться найти казаков, что бывали в этом городке, да и вообще плавали по Каспию.

С этой проблемой справились легко, в порту находилось несколько казацких корабликов. Общаться с казаками отправился как раз Кузьма, не известно, как эти беглые крестьяне встретят князя или княжича. Погожеву повезло, буквально на второй казацкой лодье он нашёл практически земляка. Микифорко Игнатиев был из Жарской волости Балахнинского уезда. Числился Игнатъев за Дмитрием Григорьевым сыном Нарматцким и жил в поместье Шалимова. Только уже более десятка лет назад подался в бега и теперь вовсе и не Микифорко он, а Никифор, и не Игнатъев даже, а Беспалый. В одном из сражений с кзылбашскими купцами поте-

рял Никифор два пальца на левой руке, попытался саблю остановить рукой. Не очень видно получилось. Никифор бывал и в Яицком городке и даже в Дербенте и Баку, но вот нанять его в состав экспедиции удалось далеко не сразу. Был Беспалый целым атаманом у казаков, и было у него два кораблика и почти полста человек при этих судах.

Кораблики казацкие кто только как ни называл, кто чайками на манер запорожских казаков, кто стругами, кто бусами. Эти бусы были в человеческий рост высотой, в один русский элл (Элл – мера около аршина.) осадкой и 8 фатомов (Фатом – шестифутовая сажень.) длиной и 1 фатом шириной. Привыкший уже к вершиловским метрам и сантиметрам Кузьма и забыл уже эти названия, с трудом перевёл в нормальные меры. Казаки защищали свои суда от волн, окутывая борта валиками, набитыми травой или соломой, что делало их легче и держало на волнах. Кроме стругов в порту были и персидские купеческие корабли. Эти были настоящими гигантами по сравнению с казацкими лодчонками. Кызылбашские корабли тоже кто как хотел, так и называл, (иностранцы называли их бусами, русские – «сандалами») и были они разного размера («целые» и «половинные»).

С атаманом Беспалым князь Ноздроватый всё же договорился. В результате к их пяти лодьям добавились оба буса или струга казацких, со всей командой. Скорее всего, понимал Кузьма, это сильно будет сдерживать ход вершиловских кораблей, все-таки, две мачты и косая парусность делали корабли, построенные в Нижнем Новгороде, гораздо быстрееходнее лодчонки с прямым парусом, да ещё всякими матами обвешанные. Даже кызылбашские сандалы, хоть и смотрелись крупнее вершиловских лодей, в мореходности им явно уступали, о боевых же характеристиках не стоит и говорить. Все пять лодей у нас вооружены десятью небольшими пушками, только эти пушечки стреляют не шариками каменными или пусть даже чугунными, а снарядами с хитрой начинкой, что вершиловские химики изобретали, если одного попадания такого «снарядика» в персидский сандал и будет недостаточно, то вот двух хватит за глаза. Побывавший в шведском походе Кузьма при сравнении европейских судов с кызылбашскими грустно улыбался, что Русь, что эти вот персияне на века отстали от Европы, и если Россия теперь бросилась в погоню, то персам это сделать будет не просто. Хотя им ведь и не надо было пока, не с кем соревноваться. Одна их империя по существу владеет Каспийским морем. Владела. Подвинет их Русь-то теперь.

В самом Гурьеве тоже придётся вести себя по обстоятельствам. Если там можно будет перезимовать, то там пока экспедиция и останется, если же такой массе народа там не перезимовать, то следует на зимовку вернуться в Астрахань и повторить переход ещё раз ранней весной. Ну и попытаться до осени подняться до истока Яика и по дороге нанести всю эту территорию на карту. Для этих целей с ними был картограф из Португалии. Ему Пётр Дмитриевич в качестве переводчика приставил одного из вершиловских парнишек. За время экспедиции малой должен и сам всю науку по составлению карт у Вашки Риберы перенять. Португальца сразу переименовали на русский манер Ивашкой Рябым. Так, «рябой» и есть, вся маленькая хитрая рожица в оспинах.

А вот обратный путь пока был неясен. Если нельзя в Яицком городке перезимовать, то предлагал князь Пожарский от истока Яика идти пешком на северо-запад, там верстах или километрах двухстах должен быть основанный на реке Белой город Белорецк. Если же перезимовать в Гурьеве, возможно, то нужно не рисковать заблудиться в тайге и степях уральских, а вернуться по реке к городку, и только на следующую весну возвращаться домой. Велика Россия. Так ведь это всё только до Урала, а за ним ещё земли в разы больше. Велика!

Событие восемнадцатое

Руководил обороной Риги польный гетман Великого Княжества Литовского князь Иеремия Вишневецкий. Великому герцогу Дмитрию Михайловичу Пожарскому пришлось, раз пять встречаться с этим молодым и заносчивым паном, прежде чем тот понял, наконец, что война это не красивая форма и развивающиеся знамёна, а кровь, грязь и стоны раненых, и вонь от убитых.

Первый раз встретились у стен ещё только-только взятой в осаду Риги. Предложил, как ни странно Вишневецкий. Услышав, чего требует князь, Дмитрий Михайлович скрипнул зубами и медленно, чтобы не наговорить лишнего согласился. В Ригу два дня назад приплыли корабли из Испании с переселенцами. Пять кораблей и больше тысячи человек, считая детей, жёнок и стариков. Так этот пан предлагал поменять эту тысячу бедняг, натерпевшихся от гишпанского короля и инквизиции у себя, хлебнувшим тягот морского двухмесячного перехода с бурями и скудным питанием, и которым ещё предстояло добираться до Вершилово несколько месяцев, на сто кадей зерна и сто коров. Согласился-то, Дмитрий Михайлович согласился, зерно ведь ещё подвезут, а вот с коровами хуже. Местные крестьяне если и соглашались продать, то, чуть не впятеро завышая цену. Хорошо. Сочтёмся.

Добыли коров, поменяли на гишпанцев. Так пришлось ещё, и организовывать их переход до Смоленска, по обычному маршруту ведь не пошлешь, война. Чёрт бы их побрал вместе с их дураком королём. Неделю вместо подготовки к штурму занимался собиранием телег, да добычей им пропитания в дорогу. Надо будет попенять потом сыну. Может заселение земель на Урале да в Поволжье это и благо и для державы и для производств Петрушиных, но раз людей с места сдёрнул, то должен и думать, как они до тебя добираться будут. Денег он им выделил. На деньгах до Вершилово не доедешь, телеги и лошади нужны, это во время войны-то.

Ладно, отправили переселенцев. Подкатили пушки, что прислал сын, к одним из ворот и стрельнули. Петруша в письме, что передали ему пушкари, писал, что люди обучены и сами знают, что делать и как стрелять, просил с командами и советами им не докучать. Вот вечно у него в последнее время сквозит прямо это, будто он один всех умней и всё про всё знает. Тем не менее, Дмитрий Михайлович, хоть и побурчал себе под нос, читая письмецо, сделал, как сын просил. И не пожалел. Такого ему ещё видеть не доводилось. Три маленькие, ни на что не похожие, пушчонки бахнули два раза, так даже дыма почти не было, зато, когда пыль и дым, там, у ворот, рассеялись, то ворот-то и не стало. Но ведь не это самое удивительное, а то, что между первым и вторым выстрелом не час прошёл, а меньше минуты, ну, пусть чуть больше. Так «минуты».

Дальше снова была встреча с гетманом. Дмитрий Михайлович выполнил и второй совет из письмеца. Бахнули пушчонки, снесли и ворота и кусок стены, а на штурм никто не побегал. Посидели, подождали. На этот раз Вишневецкий был менее заносчив, соизволил спросить, чего москали добиваются. Хотим из этих же пушек всю стену снести, а потом огонь на город перенести, ответил Великий герцог, как и советовал Петруша. Ускакал князь. Что ж, стрельнули по соседнему куску стены. Несколько лет назад, там была хорошая, хоть и не новая каменная стена, но три штурма и четыре осады из этой стены сделали лоскутное одеяло, тут камень, тут дерево с землёй. Теперь вот яма вместо стены и ведь всего девять снарядов понадобилось. Снарядик-то этот в руках легко один человек несёт. Ох, напридумывали немцы в Вершилово. Жуть берет.

На этот раз Иеремия Вишневецкий предложил выпустить гарнизон из крепости со знамёнами и артиллерией. Как там сынок присказку повторяет, чтобы умерить желания. «А ключ от терема, где деньги лежат, вам не надо?»

Князь позеленел и ускакал. В огромной дыре в стене видно было, как копошатся люди, пытаясь из обломков и наспех собранных брёвен и досок соорудить холмик непонятный. Дмитрий Михайлович приказал пушкарям сделать один залп по этому месту. Опять вместо холмика яма образовалась.

Вот в четвёртый раз князь Вишневецкий уже соизволил спросить про условия его сдачи. Да, какие условия? Нет ни каких условий. Просто сдаётесь. Тебя с десятком человек отправлю порадовать круля вашего Жигамонта, а пленные будут два года долбить камень на строительстве дороги от Риги до Полоцка. А то у вас в королевстве дорог-то нет, направления одни. Опять Петрушина шутка. Снова ускакал и организовал ночью вылазку. Они там, где воевать учились? Залп из нескольких сотен мушкетов и один залпик из Петрушиных пушек и побежали назад паны.

Вот после этого и был последний разговор с Польным гетманом. Пошёл ему навстречу Дмитрий Михайлович, отпустил с ним не десяток человек, а сотню драгун. Ну и ладно, а то все телеги в округе скуплены для переселенцев гишпанских, на чём пленных в Полоцк отправлять. А ведь пленных не мало. Ляхов в сумме с немецкими наёмниками и местными ополченцами, что после ухода гетмана с сотней драгун, вышли за стены Риги, получалось почти три тысячи. Немцы, не все, конечно, предложили перейти на сторону московитов, если те заплатят.

– Вот пусть вам московиты и платят, а в Российской империи будете камень для дорог дробить, потом, через два года, можете с сынком поговорить, он любит немцев на службу нанимать, – остудил Дмитрий Михайлович командира пикинеров, какого-то барона.

Ополченцев, согнанных ляхами со всей Лифляндии и части Литвы, князь отпустил по домам. Получилось интересное продолжение. Часть из них была из курляндского герцогства. Ушли бедняги домой, а через седмицу прискакал в Ригу герцог Курляндии и Семигалии Фридрих фон Кетлер и попросил принять его со всеми подданными в состав Российской империи, натерпелся он от ляхов и шведов, хочет жить спокойно.

– Я просьбицу твою, Фридрих, Государю отправлю. Он будет решать, да Дума Боярская. Я-то не против, если Михаил Фёдорович меня спросит, то я скажу ему об этом. А сейчас извини, некогда. Нужно войско к Динабургу отправлять.

Событие девятнадцатое

Никита Михайлович Шульга сидел напротив монгольского хана и ждал. Переводчиком был один из пленённых ещё после первого набега торгутов, подданный этого тайши. Мэр Миасса спросил Хо-Урлюка, прекратит ли тот нападать на русских, если его освободят. Хан молчал. Сидел, перебирал чётки и чуть качался взад-вперёд. Никита Михайлович ещё весной хотел отправить Хо-Урлюка в Вершилово, с первыми лодьями, что повезли чугунные рельсы и слитки меди. В последний момент передумал. А ну как эти поганые снова набег устроят, можно тогда им хана ихнего показать и предложить убираться по-хорошему, а то с ханом несчастье произойдёт, может чего-то лишиться.

Набега пока не было. Но вот вчера прискакал казак Васька Касьянов и поведал, что из всей экспедиции, посланной на поиски горы Магнитной, в живых остались лишь рудознатцы Ивановы, гишпанский картограф и башкир, что был при экспедиции переводчиком. Все они сейчас уже, наверное, в Белорецке, а Васька хоть и ранен, но помчался, чуть не доезжая Белорецка, вперёд в Миасс о несчастье сообщить.

Что делать? Понятно, что ничьей земли не бывает. Здесь вот вогулы жили, там, у горы Магнитной, башкиры должны обитать. Торгуты же эти, или монголы, припёрлись за тысячи вёрст из своих степей. И теперь нет от них покоя. Ну, живите спокойно, пасите овец, разводите коней. Нет. Нужно грабить и убивать. Надолго ли вас хватит. Пленные показали, что они себя кличут ещё и калмыками. Калмыки или ещё и ойраты – выходцы из Джунгарского ханства.

Сами калмыки называют себя «хальмг». Это слово на их языке означает «остаток», или «отколовшиеся», так как калмыки были той частью ойратов, которая не приняла ислам. Переселение калмыков в эти места было связано с междоусобными конфликтами в Джунгарии, а также с нехваткой пастбищ. Их продвижение к нижней Волге лёгкой прогулкой не назовёшь. Переселенцам пришлось противостоять казахам, ногайцам и башкирам. В 1608 или в 1609 году калмыки даже принесли присягу на подданство русскому царю. Никита Михайлович об этом и не слышал ни разу. Ещё бы вспомнить, кто тогда царём был.

– Государю, весточку могу послать, – чуть превысил свои полномочия Шульга, – Что клянётесь ему в верности и старый договор обязуетесь выполнять, защитой южных границ России от набегов степняков будете. Только позабудьте дорогу на север и русских людей не трогайте. Охота воевать, вон с дикими башкирами воюйте и с ногайцами.

Хо-Урлюк выслушал перевод, даже глаза на секундочку поднял на Никиту Михайловича, но потом снова повесил голову и продолжил раскачиваться, ещё и напевать что-то себе под нос начал.

– А ты чего хочешь, тайша? – вновь предпринял попытку заключить мир Шульга.

Хан торгоутов вдруг прекратил петь и, выпрямившись, в упор посмотрел на мэра Миасса. Заговорил. Речь была долгой. Шульга, немного знавший татарский и башкирский пытался понять хана без переводчика. Нет. Видно за столетия совсем разными стали языки. Дождался перевода. Надо же?! Хо-Урлюк подтверждал старый договор о присяге русскому царю, обещал впредь не нападать на русские поселения, где бы они ни были, и даже соглашался беречь границы от врагов Москвы. Проблема была только в одном. Хотел хан уйти вместе со всем своим народом в степи между Доном и Волгой.

– Чем степи между Яиком и Волгой хуже? Там, куда вы так спешите, ведь ногаи обитают. И их не мало.

– По словам отрядов, высланных на разведку, там зимой теплей и меньше снега. Здесь слишком много снега и длинная холодная зима. Нечем лошадей и овец кормить. С ногаями мы справимся, только не мешайте, – так с ломанного русского перевёл для себя Шульга.

– Сейчас принесут бумагу и ручку с чернилами, запишем всё это и составим грамоту для Государя императора. Потом я тебя отпущу со всеми пленниками. Даже лошадей дам. Только когда доберётесь до своих ты уж тайша вышли назад лошадей с кем-то из людей своих. Если же торговать с нами захотите, то добро пожаловать. Шерсть возьмём и шкуры конские, в замен дадим железные орудия, ножи, топоры, зерна, – Никита Михайлович опасался, конечно, что выехав за ворота миасского острога позабудет о своём обещании не нападать на русских торгуют (или калмык), только ведь надо что-то делать. Сколько можно воевать и людей терять. Не так их много на Урале. Каждый дорог.

Ну, а степняки пусть друг дружку режут. Чем их меньше будет, тем лучше. Если же торгуют ещё и истребят и вытеснят ногаев с Волги, то тоже не плохо. С одним ханом проще договариваться, чем с десятком. Как вот только донские казаки на прибытие новых кочевников отреагируют? Что ж, хоть здесь спокойно станет.

Глава 3

Событие двадцатое

Государь, вынося этот указ на обсуждение в Боярскую Думу, предполагал, что поддержит его только один человек. И этим человеком был его дядька Иван Никитич Романов. И этот-то не сам по себе будет за указ, а потому, что патриарх с Михаилом его целый час уговаривали. Вот уж задал Петруша задачку, ни в одном из учебников по математике ответа не сыскать.

Началось всё ещё на свадьбе у Фёдора Пожарского. Сидели, разговаривали об обустройстве новых земель в Прибалтике и Финляндии. Вот тут «Соломон» и выдал. Слово-то, ещё какое мерзкое – «ассимиляция». Будто от укуса скривило.

– Великий Государь, ни у одного народа, ни сейчас, ни в древности, нет и не было ответа на вопрос, как малые народы в покорности держать. И в Римской империи и в Византии одно восстание за другим. Византия потому и развалилась, что не смогли их кесари решения этого вопроса найти. То же самое сейчас и в Османской империи, да тут ещё и религия примешивается. И у шаха Абаза не лучше, вон грузины опять восстание подняли и семидесятитысячную армию шахскую уничтожили. Да и мы ничем не лучше, чуть власть пошатнулась, и по всей стране восстания полыхнули и татары и башкиры и мордва, все отметились, – Пётр Дмитриевич отхлебнул из кубка квасу и хотел продолжить, но патриарх тогда хитро усмехнулся и спросил:

– А ты, Петруша, чай умнее Абаза, что ты посоветуешь?

– Слово есть латинское – «ассимиляция». Это когда человек другого вероисповедания и другого народа принимает веру того народа среди которого живёт, разговаривает и думает на его языке и вообще считает себя скажем русским, хоть он и татарин. Есть ведь у нас князья выходцы из татар и прочих народов. Вот этой ассимиляцией и нужно заниматься. Дело это очень не быстрое и не дешёвое, и кроме того, очень хлопотное. А только начинать нужно срочно, чтобы хоть через сотню лет, а жил в России только один народ – русские. Если же по-старому жить, то из смут и восстаний вовек не вылезти и закончится всё как с Римом и Византией – развалится страна на кусочки.

– Ну, слово выучим, – встрял Великий герцог Финляндский Владимир Тимофеевич Долгоруков, – А делать-то что надо, чтобы чухонцы русскими стали?

– Я бы начал с того, что вернул назад второй Юрьев день. Кто захочет стать русским, если большая часть этого народа холопы, рабы почти, а они там, на окраинах, все свободные. Что за дурак захочет сам рабом становиться. Ещё нужно тебе, Великий Государь, раз и навсегда прекратить вотчины раздавать.

– Стой, Петруша, – поднял руку и Михаил, – Ты ведь сам просил меня и не раз сделать дворянами твоих помощников и вотчины им раздать.

– А давайте сейчас съездим в одну из деревенок, да вот хоть к Рубенсу и поговорим с холопами его, – вскочил в запальчивости младший Пожарский.

– А что, до вечера и застолья далеко, давайте съездим, – неожиданно поддержал Петра патриарх.

Деревенькой Алексеевка была тогда, когда отписана была новому российскому дворянину Петру Павловичу Рубенсу. С тех пор много воды утекло. Рубенс уже давно барон, у него теперь целых две деревеньки в Жарской волости. Алексеевка же из девяти дворов незаметно выросла в тринадцать. На прошлый Юрьев пришло к барону Рубенсу двое крестьян из соседнего уезда, и попросились к «немцу» с чадами и домочадцами. Да ещё двое средних сыновей решили выделиться из отцова хозяйства. Подъезжая к деревеньке, Михаил увидел, что у

одного из домов стоит целая толпа и что-то горячо обсуждает. Подъехали, вышли из возков, царь цыкнул на боярина, что приказывал стрельцам из охраны разогнать холопов. Подошли. Понятно, что народ бухнулся на колени и пополз под благословление патриарха Филарета.

Когда всё более-менее успокоилось, Великий герцог Долгоруков и спросил, из-за чего кричали христиане. Староста деревни помялся чуток, но нашёл в себе смелости и ответил.

– Мы обществом, государи, решали куда десятину, что на развитие общины собирается, потратить. Один предлагает фонтану, как в Вершилово строить, другой школу, а то далековато в город детишек возить, Фома вон вообще на церкву замахнулся. Вот и галдели все.

Михаил был не в первой деревне, ездил на богомолье по Руси. Эту не с одной даже и сравнивать нельзя – совестно. Дома как в Вершилово, огромные пятистенки, с двумя торчащими из черепичной кровли трубами печей. Не заваленная сугробами, а очищенная почти от снега укатанная улица. И не кривая, как обычно, а прямая с переброшенными через придорожную траншею красивыми резными мостками. И правда что фонтана только и не хватает. Император заплакал. Не зря ехали. Ведь и правда любой инородец захочет вот таким русским стать.

– Стройте фонтан, – срывающимся голосом просипел Михаил, – А на школу и церковь я денег дам.

Через час, вернувшись во дворец к Петруше, согреваясь китайским жасминовым чаем, продолжили разговор.

– Нужно в Прибалтике и Финляндии уменьшить процент местного населения. Объяви, Государь, что те из местных, что поедут на постоянное жительство на Волгу и на Урал, получат освобождение от налогов на десять лет, и доставлять их будут за счёт Переселенческого приказа, и материалы на строительство дома и всех пристроек тоже приказ на себя возьмёт, да ещё две коровы, две лошади и пять коз или овец. Ну, и плюсом семена из Вершилово. Должны поехать. Может и не много первой волной, но потом эта первая волна письма домой напишет, и потянутся ручейки, – как бы сам себя, уговаривая, проговорил Петруша.

– Так обезлюдит совсем Финляндия, – хмыкнул Долгоруков.

– Нужно то же самое послабление и все эти же льготы на Руси крестьянам предложить, кто туда поедет жить, – поморщившись, продолжил Пожарский.

– А что скривился? – углядел патриарх.

– Мало ведь на нашей землице народу русского после всех этих смут осталось, да и те в крепости в основном. Только одним переселением народов проблему ассимилирования инородцев не решить. Нужно у них школы строить и преподавать там, на русском языке. Хочешь быть грамотным – учи русский. Хочешь быть бургомистром или в городском совете сидеть – учи русский. Хочешь в войско записаться, должен подписать договор, в котором первый пункт будет – освоение русского языка. И главное, планомерно понемногу выселять местных в другие города на Руси, а туда завозить русское население. Вот, может за сотню лет и получится. Ну, а начинать надо с того, чтобы весной вновь Юрьев день появился, чтобы у плохого хозяина не задерживались крестьяне. Чай от Рубенса не побегут. И от Шваба не побегут, и от Силантия Коровина в Смоленской губернии.

И вот теперь подготовили они с отцом указ для утверждения в Думе о возвращении возможности уйти от нерадивого хозяина крестьянину не только осенью, но и весной, 23 апреля. Как вот только теперь заставить думцев принять его? У каждого ведь холопы есть, каждый о себе в первую очередь думать будет, а не о государстве. Что ж, одного они с отцом уговорили, не мытьём, так катаньем и остальных осилим, у каждого ведь слабое место есть. А ещё в указе есть оговорочка и про переселенческий приказ и про его судию Петра Дмитриевича Пожарского. Кто и задумается, стоит ли резко против быть.

Событие двадцать первое

Планов по захвату всей Украины Пётр точно не строил. Огромная территория с не всегда, поди, дружественным населением. Кто и как ею будет потом управлять? По этой самой причине целых два дня простояли у брода через Южный Буг. Пожарский разговаривал с казаками, что были родом из этих мест. Выходило, что до Львова ударов в спину и партизанского движения можно не опасаться. Народ ненавидит ляхов. Наоборот, ещё и сдерживать людей придётся, начнут сами панов резать.

Что ж, помолились и переправились. Ближайшим городом и крепостью, где обязательно есть гарнизон, получался Брацлав. Туда и направились. Природа от Нижнего и Урала резко отличалась. Лиственные леса, огромное количество возделанных полей, деревни и сёла почти вплоты друг к другу. И люди живут явно побогаче, мало у кого как на Руси дома больше на землянки похоже. Здесь деревянных домов тоже не много, зато саманные (из глины, навоза и соломы) вполне себе высокие. Крыши вот только крыты тростником, до черепицы ещё не доросли. Население говорит на русском, но уже и польские слова приплетают и незнакомые есть, начали разделяться языки.

Сама крепость, расположенная на высоком скалистом берегу Южного Бука, была даже на вид древней. Сложенная из огромных камней стена, что предстала перед вершиловским полком, была вся заросшая мхом, кое-где в щели между камней и маленькие деревца залезли. А вот ворота подгуляли. Тоже были древними. Нет, понятно, что сделаны из дуба и железом окованы, но ведь сути это не меняло – дерево. Одного выстрела двадцатимиллиметровой пушки должно хватить, чтобы этот раритет в щепки разнести. Город был не маленьким, подол или пригород или посад раскинулся чуть не на километр вокруг стены замшелой.

Люди дома побросали и видно заперлись в крепости. А ведь со слов местных товарищей, не так и давно сбежавших на Сечь и считавших себя казаками, здесь жили русские люди, ненавидящие ляхов угнетателей. Пётр, когда стали подъезжать к городу, предупредил их полковника, что если хоть одна курица у людей пропадёт, то он разворачивает полк и уходит. Никакого мародёрства и разграбления. Там не враги живут – свои. Ну, напугали людей, они и сбежали за стены от греха подальше. Традиции к тому же такие. За своих не переживал, там дисциплина и понимание – куда и зачем идём. Тем не менее, Пожарский командиров собрал и речугу двинул про угнетённый братский народ и по возложенную на их плечи священную обязанность этот народ от ярма оккупантов польских освободить.

Только видно было, что не больно-то страдают люди от ярма этого. Гораздо богаче и сытнее живут, чем крестьяне в русских деревеньках. Генерал Афанасьев на одном из каналов, переключая телевизор в поисках чего интересного, как-то зимой в год переброски его сознания на 400 лет назад, наткнулся на передачу про освобождение братского болгарского народа от турецкого ига. Там, то же самое было. Люди жили в разы лучше, чем в России и потребовалась провокация с убийством большого количества мирных турецких крестьян, переселившихся в Болгарию, чтобы турки начали репрессии и у «братского народа» появился повод для восстания. Однако из дальнейшей истории видно, что братушки не сильно русских-то любят, в обеих мировых войнах Болгария была на стороне немцев и уже после развала соцлагеря активно боролась с южным потоком и в НАТО вступила одной из первых. Неувязочка с братством. Да оно и понятно, рыба ищет, где глубже. Что Россия могла предложить Болгарии – нищету. А что Советский Союз – очереди в магазины и пустые прилавки. Танки ещё. Зачем пахарю танки? Ему хорошую японскую сельхозтехнику надо, телевизоры цветные немецкие, мебель итальянскую. А вот сейчас, что Россия может предложить этим русским? Хреновые законы, взяточников дьяков и подьячих, нищету ту же, почти полное отсутствие образования. Это когда

уже изобретены арифмометр и логарифмическая линейка. Полное отсутствие торговли, ну, за исключением Вершилова. А потом будут думцы затылки, вспотевшие под тремя шапками, чесать, что им не нравилось, чего восстание подняли. Где-то ведь уже, скорее всего, освобожден от турецкого плена Богдан Хмельницкий. Не посчитает ли он москалей ещё более худшими угнетателями, чем ляхи? Нужно его разыскать. Споры о роли личности в истории пусть профессора ведут, Пётр точно это видел на своём примере. Так уже историю переиначил, что послезнание не поможет скоро. По другому пути всё пойдёт.

Воеводе, ну или может коменданту, Брацлава предложили сдаться и без оружия, но со всеми воинами идти себе спокойно в Краков. И там порадовать Жигамонта, что князь Пожарский идёт этот самый Краков грабить, как они с крулем и договаривались. Не захотел. Подкатили пушку и бабахнули. Недолёт. Поправили прицел. Взорвали к чертям собачьим надвратную башенку. Ладно, хоть с третьего раза попали. А что, опыта не много у канониров, и опять же война ведь, а не учения, волнуются ребята. Разнесли ворота и стали ждать парламентёра. А никто не выходит. И что делать? По стене шарахнуть? Жалко. Такой памятник архитектуры нужно сохранить. Потом можно будет туристов водить.

Через пару часов вышел всё же человек из ворот. Оказалось, что коменданта артиллеристы убили, он из надвратной башенки смотрел, как глупые москали хотят этой маленькой пушечкой стрелять по крепости. Ну, не дураки ли?! Что ж, в аду у него будет время подумать над своими словами. Утром следующего дня гарнизон без огнестрельного и холодного оружия в полном составе двинулся в сторону Каменца. Значит нам туда дорога. Надо только выждать пару дней, пусть они там воеводу или кто там у них за главного, напугают. Может, и стрелять не придётся.

Событие двадцать второе

Бывший дьяк Посольского приказа Михаил Тюхин ещё в Вершилово оговорил с этим странным князем совсем другой маршрут, чем был у посольства, с которым он ездил в Персию к кызылбашам в прошлый раз. Тогда они добрались морем до Низовой пристани, что чуть южнее Дербента, а потом больше трёх месяцев путешествовали по Персии. Были в Шемахе, потом через Мурганскую степь в Сальяны, что на левом берегу Куры при впадении её в море, потом вдоль моря в Леонкорань, затем в Ардебиль, оттуда в Казвин, где они и встретили шаха. На этот раз путешествовать по степям и пустыням, а также карабкаться по горным кручам посольству не придётся. Морем они доберутся до Решта, а оттуда через тот же Казвин в Исфахан. Князь советовал всё же зайти и в Дербент и Баку и Леонкорань, пообщаться с тамошними властимущими, подарить им подарки, обязательно спросить провожатого до следующего города и пообещать за него щедро заплатить. Одним словом «заводить друзей», как выразился этот ни на одного из русских князей не похожий молодой наследник Великого герцога Лифляндского.

Зачем «друзья»? Князь хотел торговать. Не княжеское совсем дело. А княжеское ли дело посольства отправлять? Ну, пусть грамотки к шаху Абазу имел при себе Михаил и от Великого герцога Дмитрия Михайловича Пожарского и от императора Российского Михаила Фёдоровича Романова и от патриарха Филарета, только видел бывший дьяк, что всё это посольство задумал и подготовил этот молодой совсем великан. Он же и Тюхина из Тобольского острога забрал. Понятно, что и тут грамотки разные были, но уже стал понемногу ориентироваться Михаил в новом раскладе сил в русском царстве за время его ссылки превратившегося в Российскую империю.

Отправленные за Тюхиным казаки, доставили его в Казань, где уже поджидала новая большая лодья с необычными парусами, посланная из Вершилова младшим Пожарским. Много изменилось за пять лет. Нижний Новгород и не узнать. Про Вершилово же можно просто

сказки писать. Если бы сам всё не видел, то и не поверил, расскажи кто. Не могли всего этого построить за семь лет. Только джины из персидских сказок на такое способны.

Поплыл к кызылбашам Тюхин с тяжёлым сердцем. Прошлую-то поездку удачной точно не назовёшь. Вся спина в шрамах от «благодарности» бояр да царя. Да и левая рука плохо слушается, вывернули на дыбе в подвалах разбойного приказа. Волховский наместник князь Михаил Петрович Барятинский, что руководил посольством, на своё счастье умер в Мерсии, дожидаясь разрешения разгневанного шаха на возвращение домой. Явно и ему бы несдобровать в Москве. Возглавивший после смерти князя посольство дворянин Иван Иванович Чичерин свалил по приезду в Первопрестольную всю вину на Тюхина за неудачу посольства и отделался только опалой и приказом вотчину не покидать. Ну, да помер уже, Бог ему судья.

Единственным утешением было то, что в случае удачного завершения посольства князь Пожарский Пётр Дмитриевич обещал поселить Тюхина в Вершилово и дворянство у императора исхлопотать. А что – этот может. Вон захотел, так целый отряд казаков за ним в Tobольск без усталости мчался. В более-менее успешном завершении этого «посольства» можно было не сомневаться. Подарки шаху Михаилу показали. Вещи всё красоты невиданной. Особенно впечатлили бывшего дьяка даже не вазы огромные с полуголыми ушастыми девками и не чаши и кубки из цветного стекла, и даже не хищные небольшие мушкетеры с невиданным батарейным замком, нет, потрясала красота сабель, кинжалов, ножей, что изготовили мастера, перебравшиеся в Вершилово из немецкого города Золинген. Такое оружие в бой не возьмёшь, да и на стену в тереме не повесишь, если кто увидит, то войной на тебя пойдёт, чтобы сим сокровищем овладеть. И дело даже не в гардах и рукоятях украшенных множеством самоцветов, хотя и они чудо, дело в необычности самих клинков, словно из какой-то сказки про чудесные земли принесены они.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.